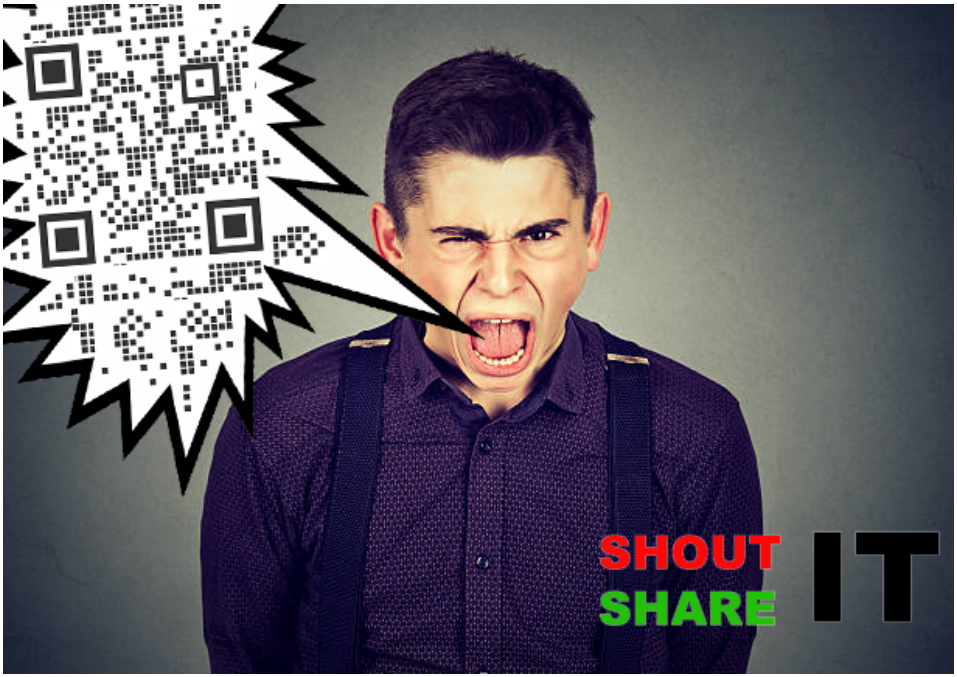
МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ФРУНЗЕ

Московский рабочий
1947


SHOUT
SHARE
IT

- П. Березов
  -
  - I. У стены московского Кремля
  - II. Детство и юность
  - III. В большевистском подполье
  - IV. В камере смертников
  - V. На каторге и в ссылке
  - VI. В боях за Великий Октябрь
  - VII. Разгром Колчака
  - VIII. Освобождение Средней Азии
  - IX. Народный герой — победитель Врангеля
  - X. На страже Советской Украины
  - XI. Укрепление Красной Армии
  - XII. Смерть на боевом посту
  - Основные даты жизни и деятельности М. В. Фрунзе
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60

П. Березов
Михаил Васильевич Фрунзе

Краткий биографический очерк

I. У стены московского Кремля

Ноябрьское утро 1925 года. Выпавший снег густо покрыл все улицы и площади Москвы. В воздухе чувствуется морозное дыхание рано, неожиданно пришедшей зимы.

Еще не прояснились утренние сумерки, а уже повсюду необычайно людно. К заводам, к фабрикам, к учреждениям спешат десятки, сотни, затем тысячи рабочих и служащих. Они сливаются в отряды и текут со всех окраин к центру столицы — на Красную площадь. Колышется необозримое море голов. Над ними, на осенне-зимнем ветру, плещутся алые полотнища знамен, повитых черными лентами. На многих плакатах, траурно окаймленных, выделяется надпись, выражающая чувства и мысли печальной процессии:

«Прощай, товарищ Фрунзе! Память о тебе сохраним навсегда!»

Красная площадь. Идет траурный митинг. С трибуны мавзолея звучат слова прощальных речей, полные скорби и любви. С глубочайшим вниманием слушает притихшая площадь проникновенный голое товарища Сталина:

…«в лице тов. Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных, самых бесстрашных революционеров нашего времени. Партия потеряла в лице тов. Фрунзе одного из самых верных и самых дисциплинированных своих руководителей. Советская власть потеряла в лице тов. Фрунзе одного из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства. Армия потеряла в лице тов. Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей»[1]…

Речи окончены. Руководители партии и правительства, друзья покойного поднимают на руки гроб и направляются через ограду мавзолея к кремлевской стене, где на фоне снежного покрова виднеется свежая могила.

А над нею в вышине, в этот миг раздается гул моторов: то пролетают грозные эскадрильи, салютуя в последний раз своему любимому наркому.

Ровно в один час дня 3 ноября 1925 года гроб с телом Михаила Васильевича Фрунзе опускается в могилу. Тяжелые орудийные залпы, сотрясая воздух, наполняют собою насторожившуюся тишину Красной площади. Застучали о гробовую крышку обмерзшие комья земли. Постепенно вырастает могильный холмик…

Мимо него проходят колонны москвичей. Кажется, нет им конца. До глубоких вечерних сумерек продолжалось шествие. Но

и сквозь сумерки на траурных плакатах видна надпись: «Прощай, товарищ Фрунзе! Память о тебе сохраним навсегда!»

II. Детство и юность

В далеком Семиречье, у подножья Александровского хребта (Кыргыз-Ала-тау), в центре Чуйской долины раскинулся Пишпек (ныне город Фрунзе, столица Киргизской ССР). Это был маленький городок — русский военный форпост в Средней Азии, заложенный в 1878 году пришлыми казаками в междуречье Аламедын и Алаарче, притоках реки Чу, на месте разветвления дорог на города Верный, Семипалатинск, Пржевальск и Кашгар. Белые одноэтажные домики из глины, напоминавшие украинские мазанки, стояли в строгом порядке, как будто бы в строю. Акации и пирамидальные тополя, заботливо посаженные вдоль улиц, несколько оживляли и смягчали суровый облик этого военного поселения.

Здесь-то, в одном из глинобитных домиков с камышевой крышей, на углу Судейской и Васильевской улицы, 21 января (2 февраля) 1885 года родился Михаил Васильевич Фрунзе.

Отец Фрунзе, Василий Михайлович, по национальности молдаванин, по происхождению крестьянин, был выходцем из Захарьевской волости, Тираспольского уезда, Херсонской губернии. По окончании московской фельдшерской школы он был призван в русскую армию и служил военным фельдшером в Туркестане. После демобилизации поселился в Пишпеке, где работал участковым фельдшером.

Василий Михайлович, будучи весьма отзывчивым человеком, дружил с местным населением, киргизами, охотно оказывал им врачебную помощь и потому заслуженно пользовался их уважением и любовью.

По своему развитию и интересам он стоял значительно выше многих из окружавших его чиновников и военных. Василий Михайлович был заботливым семьянином. На трудовые сбережения он стремился дать хорошее образование своим детям (а их было пятеро — два сына и три дочери).

В этом всячески помогала Василию Михайловичу его жена, Мавра Ефимовна, мать Михаила Васильевича. Она происходила также из крестьян. Когда ей было десять лет, ее родители, спасаясь от мужицкой нужды, выехали из родного села Танцыри, Воронежской губернии, в поисках дешевой земли и привольной жизни. После долгого пути они добрались наконец до Семиречья и здесь, в Пишпеке, осели на жительство.

Мавра Ефимовна в школе не смогла обучаться. Но будучи любознательной и способной, она самоучкой одолела грамоту, много читала. Это была очень умная и волевая женщина,

оказавшая большое влияние на своего сына — Мишу. По свидетельству его сестры Лидии Васильевны, Михаил Васильевич «унаследовал от своих родителей их лучшие черты: от отца — смелость, решительность, простоту в обращении с людьми; от матери — природные недюжинные способности, пытливый ум и сильную волю». Она же, несомненно, впервые пробудила в Мише любовь и влечение к книге. А читать он научился очень рано, в возрасте около пяти лет, научился сам, как-то вдруг, незаметно, по книжкам своего старшего брата Кости, следя, как тот готовил уроки. В школу же Миша поступил семи лет.

Жизнь в Пишпеке была проникнута военным духом. Тон этой жизни задавал местный гарнизон. Сильны были армейские интересы и в самой семье Фрунзе. Как бывший военный фельдшер, Василий Михайлович имел в Пишпеке много знакомых среди местных офицеров. Поэтому маленькому Мише у себя дома часто приходилось слушать увлекательные рассказы о боевых походах русской армии, о героических подвигах русских солдат, о славных победах русского оружия. С таким же любопытством и интересом он наблюдал, как по улицам Пишпека маршировали роты, как обучали солдат.

Все это накладывало особый отпечаток и на детские забавы мальчика. Из всех игрушек он предпочитал сабли, ружья, пушки. Он организовывал «сражения» со сверстниками, затевал различные военные игры. В них он был изобретателен и ловок, проявлял смекалку, умел с одинаковым упорством и добиваться победы и стойко переносить поражения.

Интерес к военному сказывался также и при выборе литературы для чтения. Миша особенно увлекался книгами о войнах, о великих полководцах и их победах, о необычайных подвигах народных героев.

Уже в те годы он сам мечтал быть военным, сражаться с врагами, одерживать над ними победы. Как-то спросили его:

— Миша, кем ты хочешь стать, когда будешь большим?

— Генералом, — ответил будущий полководец Красной Армии…

В школе Миша учился отлично. Однако успехи в учебе давались нелегко. Многодетная семья испытывала материальные затруднения, так как заработки Василия Михайловича были невелики, а расходы на содержание детей значительны. Но еще большая нужда настала, когда Василию Михайловичу пришлось оставить службу в Пишпеке: царские власти были недовольны его гуманным обращением с киргизами и добились его увольнения. В поисках заработка Василий Михайлович в 1895 году выехал в соседнюю, Сыр-Дарьинскую область. Там он устроился

фельдшером. Семья же осталась в Пишпеке и терпела большие лишения. Родители из последних средств стремились дать своим детям образование.

Старший сын Костя учился в городе Верном[2] в мужской гимназии (в Пишпеке средней школы тогда не было). Наступило время определить туда и Мишу. А нужда в семье еще более усилилась. Как же быть? Откуда взять средства для обучения в гимназии уже двух детей? Было решено продать дом в Пишпеке с тем, чтобы Мавра Ефимовна вместе со всеми детьми переехала в Верный. Предполагали, что так будет и удобнее и дешевле, чем жить раздельно в разлуке.

Однако и в Верном жизнь оказалась горькой. Вскоре деньги, вырученные от продажи дома, были прожиты. Приходилось жить впроголодь.

В октябре 1896 года наступил срок очередного платежа за право обучения Миши. Так как деньги не были внесены, Мишу исключили из гимназии. Мавра Ефимовна срочно отправила мужу телеграмму об этом. Ответ был тоже по телеграфу:

«Верный, директору мужской гимназии. Учение сына Михаила деньги высланы. Благоволите разрешить ему учиться. Фрунзе».

Итак, одна беда миновала. Миша смог возобновить учение. Но вскоре семью Фрунзе постигло новое большое горе: тяжело заболев, Василий Михайлович в феврале 1897 года умер вдали от своих родных.

Со смертью отца прекратилась и та небольшая поддержка, которую он оказывал жене и детям. Теперь семья осталась почти без всяких средств к существованию.

Мавре Ефимовне вместе с девочками пришлось вернуться в Пишпек к своим родным, у которых она могла получить поддержку. Мальчики же остались в Верном и жили в семьях чиновников, пользуясь бесплатно и квартирой и питанием, за что старший брат Фрунзе, Костя, должен был заниматься с их детьми. Впоследствии, когда Миша был в старших классах, он также давал уроки и считался хорошим репетитором. Сам же он учился блестяще и переходил из класса в класс с наградой первой степени.

Попрежнему Миша много читал. Теперь его любимыми писателями были Пушкин, Горький, Чехов, Белинский и другие классики русской литературы. Их произведения не только расширяли его умственный кругозор, но и помогали ему понять безрадостную жизнь трудового народа, порождали в его юном сердце ненависть ко всякому гнету и насилию, желание бороться за народную свободу и счастье.

Испытав сам лично острую нужду и всю горечь тяжелой жизни «в чужих людях», Миша с большим сочувствием относился ко всем обездоленным и угнетенным. Ему невольно приходилось наблюдать, как местные заводчики и хозяйчики кустарных предприятий безжалостно эксплуатировали рабочих, заставляя их за гроши работать по 14–16 часов в сутки. Особенно тяжела была жизнь рабочих-казахов. Они помещались вблизи предприятий в грязных бараках или в сырых, наспех вырытых землянках, жили впроголодь, терпели лишения во всем, страдали от произвола царских чиновников к местных баев.

С каждым годом Миша все живее откликался на человеческое горе, а его пытливый ум все глубже проникал в причины людских страданий и общественного зла. В нем усиливалось желание оказывать людям помощь, облегчать их тяжелую, безрадостную жизнь. Это желание сначала смутное, безотчетное, постепенно прояснялось и крепло. Этому весьма способствовали предреволюционные настроения того времени, те общественно-политические влияния, которые проникали из России даже в эту отдаленную окраину царской империи.

В самом Верном общественно-политическая жизнь в те годы весьма слабо проявлялась. Разбросанные по мелким, кустарным предприятиям, рабочие жили разобщенно и покорно терпели гнет капиталистов. Местная же интеллигенция, с обывательскими вкусами и интересами, чуждалась всякой общественной деятельности. Исключением являлись студенты, приезжавшие в Верный на каникулы. Революционно-настроенные, они были проводниками передовых идей. Группируя вокруг себя местную учащуюся молодежь, они вели среди нее революционную пропаганду.

Через этих студентов и Фрунзе впервые узнал об учении Маркса — Энгельса, о росте рабочего и революционного движения в России.

Особенно большое влияние на развитие общественно-политического сознания Фрунзе оказал студент Затейщиков, познакомивший его с некоторыми произведениями Маркса, Плеханова и Ленина.

Первой политической школой служили для Фрунзе также кружки, организованные гимназистами старших классов. В этих кружках учащаяся молодежь не только повышала свой уровень общего образования, но и расширяла общественно-политический кругозор. Здесь оживленно обсуждались наиболее злободневные вопросы общественной жизни того времени. В беседах и спорах участвовал и Фрунзе, выступая иногда с докладами.

Но все это мало его удовлетворяло. Он жаждал более

активной деятельности. Его влекло туда, где разгоралась борьба за освобождение трудящихся. И потому велика была его радость и волнение, когда он в 1904 году, по окончании гимназии, выехал в Петербург, где назревали важные политические события.

Огромный столичный город ошеломил юного провинциала. Широкие проспекты с многоэтажными зданиями по сторонам, нескончаемые людские потоки, шум площадей и улиц, необычайная быстрота движения — все это было непривычно для него.

Но еще более его поразила и захватила бурная общественно-политическая жизнь столицы. Это был канун первой русской революции. Повсюду шли горячие митинги. Трудовые массы открыто выражали свое возмущение и протест против ненавистного, прогнившего царизма, потерпевшего небывалое поражение в войне с Японией.

Эта война породила в стране нищету, расстроила всю хозяйственную жизнь, в корне расшатала основы самодержавного и капиталистического строя царской России. Приближалась революция. По образному выражению товарища Сталина, Россия того времени напоминала «заряжённое ружьё с приподнятым курком, могущее разрядиться от малейшего сотрясения»[3].

В Петербурге Фрунзе поступил в Политехнический институт. Но учиться ему не довелось. Институт не стоял в стороне от разгоравшейся борьбы. В его стенах также вскипал водоворот общественно-политических страстей, и в этот водоворот Фрунзе сразу погрузился.

Среди студентов Политехнического института, преимущественно выходцев из демократических слоев населения, особенно сильны были революционные настроения. Наибольшим вниманием и сочувствием у них пользовались большевистские — лозунги о свержении царизма, о решительной борьбе с капитализмом.

К этим наиболее передовым студентам примкнул и Фрунзе. Он быстро разобрался в политических течениях и определил свое место в разгоравшейся борьбе.

В ноябре 1904 года М. В. Фрунзе вступил в партию большевиков. Со всей страстью молодого сердца он отдался пропагандистской работе, выполнял партийные поручения, принимал активное участие в организации забастовок и политических демонстраций.

Вскоре революционная деятельность молодого студента обратила на себя внимание царской охранки. В конце 1904 года во время большой демонстрации Фрунзе был ранен и затем арестован.

Как «неблагонадежного», Фрунзе выслали из столицы. Но юный революционер не захотел подчиниться жандармам. Его влекло к борьбе. В январе 1905 года Фрунзе снова, на этот раз нелегально, приехал в Петербург и продолжал революционную работу в столице.

К этому времени относится его первая встреча с Алексеем Максимовичем Горьким на квартире писателя Н. Ф. Анненского.

— Надо итти на заводы, на фабрики, — убежденно говорил Горький собравшимся у Анненского. — Вот это будет настоящий подвиг. А комнатными разговорами победы, конечно, не добиться.

Эти горьковские слова глубоко запали в душу Фрунзе. Он и раньше решил связать свою судьбу с рабочим классом. Теперь же в нем еще более окрепло решение посвятить всю свою жизнь борьбе за свободу и счастье трудового народа.

«Жребий брошен. Рубикон перейден», — писал он в далекий Пишпек своей матери, сообщая ей о своем решении.

Жить и бороться в Петербурге для Фрунзе стало вскоре невозможно. Жандармерия гонялась по его следам. Подготовлялся новый арест. Фрунзе вынужден был выехать в Москву, а оттуда с путевкой Московского Комитета партии направили его в Иваново-Вознесенск, в центр текстильной промышленности, в качестве ответственного организатора Иваново-Вознесенской группы российской социал-демократической партии (РСДРП).

III. В большевистском подполье

Иваново-вознесенская социал-демократическая организация была одной из старейших в России.

Уже в 1892 году в Иваново-Вознесенске возник первый рабочий марксистский кружок. К 1895 году количество кружков настолько возросло, что стало необходимым их объединить. Собравшись на маевку за городом, на реке Талка, рабочие-кружковцы постановили объединиться в «Иваново-Вознесенский рабочий союз». Вскоре этот союз установил тесную связь с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», который был организован Лениным в том же 1895 году в Петербурге. От своих петербургских товарищей иваново-вознесенцы получали нелегальную литературу, а сами в свою очередь направляли им информацию о своей работе.

В 1898 году «Иваново-Вознесенский рабочий союз» был реорганизован в Иваново-Вознесенский комитет РСДРП, причем в 1901 году он, наряду с Ярославским, Костромским и Владимирским комитетами РСДРП, влился во вновь организованный «Северный рабочий союз». Этот союз в своей работе твердо и последовательно проводил ленинскую линию, придерживался взглядов ленинской «Искры». По признанию И. К. Крупской, «из всех комитетов партии лишь один „Северный союз“ сразу встал к „Искре“ в дружественные отношения».

Через два года «Северный рабочий союз» реорганизовался о «Северный комитет РСДРП». В связи с этим Иваново-Вознесенский комитет РСДРП был переименован в Иваново-Вознесенскую группу РСДРП. По своему пролетарскому составу и по активности эта группа была наиболее сильной, ведущей. К моменту же приезда Фрунзе в Иваново-Вознесенск она фактически стала самостоятельной, так как «Северный комитет РСДРП», вследствие сложившихся обстоятельств, не был в состоянии руководить работой всех групп весьма обширного края. Поэтому еще 16 марта 1905 года «Северный комитет РСДРП» поставил перед партийным центром вопрос о разукрупнении. Все это повышало роль Фрунзе как будущего руководителя крупной, фактически самостоятельной иваново-вознесенской партийной организации.

Направляя Фрунзе на ответственную работу, партия оказала ему, двадцатилетнему юноше, большое доверие. За короткий срок пребывания Фрунзе в большевистских рядах партия убедилась в его выдающихся организаторских способностях, в его преданности Ленину.

Приехал в Иваново-Вознесенск Фрунзе в начале мая 1905

года. В то время это был уже крупный промышленный город. В нем насчитывалось более восьмидесяти тысяч населения и около шестидесяти предприятий. На них работало свыше тридцати тысяч рабочих. Большинство предприятий и к тому же наиболее крупные были текстильные.

Как нигде, иваново-вознесенские фабриканты обогащались. Годовая прибыль их предприятий иногда превышала 50 процентов на основной их капитал при средней прибыли по всей России в 7 процентов. Такая огромная прибыль выколачивалась за счет рабочих. Их заработки были крайне ничтожны. Фабриканты наживались также благодаря широкому использованию штрафной системы: рабочих штрафовали за каждую недоделку, за малейший брак. Нищенские заработки сокращались и от частых поборов, взяток, которые вымогали у рабочих под разными предлогами мастера, табельщики, приказчики.

Рабочие семьи обречены были на полуголодную жизнь. При скудных заработках они не могли обеспечивать себя и сносным жильем. Рабочих лишали и всякой культуры. Большинство из них были неграмотны. А грамотных преследовали. Был, например, издан приказ, запрещавший чтение вслух в рабочих казармах.

Обреченные на полуголодную и темную жизнь, рабочие были и бесправны. Хозяевами города являлись фабриканты, купцы, домовладельцы, царские чиновники. Только они выбирали Городскую думу. Рабочие же в выборах не могли участвовать. Власть богачей охранялась царской полицией, солдатами, казачьими отрядами. Всякая попытка рабочих сбросить с себя ярмо подавлялась жестоко.

Все это знал Фрунзе и до приезда в Иваново-Вознесенск. Но теперь, проходя по улицам города и его предместьям, он еще более убеждался в вопиющих противоречиях городской жизни. В центре города он шел по широким улицам с роскошными особняками и благоустроенными домами. Здесь во всем чувствовалось довольство, богатство, праздное безделье.

Иная жизнь была на городских окраинах. Вместо барских особняков и купеческих хором здесь в жалком беспорядке лепились друг к другу убогие рабочие лачуги, покривившиеся и почерневшие от старости. Над ними возвышались мрачные казармы. В них, как в каменных мешках, в духоте и смраде, теснились десятки и сотни рабочих семей. Спали вповалку на полу — мужчины и женщины, старики и дети, холостые и женатые. В казармах иногда на каждого жильца приходилось лишь около одного квадратного метра жилой площади. В таких казармах было теснее, чем в могиле!

На улицах — непролазная грязь. Во дворе, среди мусора,

копошилась золотушная детвора. Ни деревца, ни кустика, ни зелени. Воздух пропитан тошнотворными запахами текстильных красилен и чадной гарью, изрыгаемой десятками фабричных труб. От реки Уводь поднимались ядовитые испарения: сюда, в реку, со всех фабрик спускали промышленные отбросы и нечистоты.

Это царство нищеты и невыносимого гнета глубоко взволновало, возмутило Фрунзе. Ему нигде прежде не приходилось наблюдать такую нужду, столько человеческого горя и страданий.

Еще до приезда Фрунзе в Иваново-Вознесенск по фабрикам и заводам вспыхивали забастовки. Рабочие открыто выражали возмущение и протест против рабских условий труда. Но это были лишь разрозненные выступления, которые кончались поражением рабочих. Необходимо было многотысячную массу иваново-вознесенских ткачей объединить и направить на путь организованного революционного восстания. Рабочие, не желавшие больше терпеть капиталистический гнет и произвол властей, нуждались в революционном руководстве.

Одиннадцатого мая 1905 года за городом, в лесу, собралась конференция ответственных партийных работников города и представителей от фабрично-заводских кружков — всего около восьмидесяти человек. Многие из них впервые здесь увидели юношу среднего роста в черном поношенном пиджаке и темносиних брюках, заправленных в узкие, короткие сапоги. То был Фрунзе, уже успевший сменить свой студенческий костюм на рабочее платье, а свою фамилию — на партийную, подпольную кличку «Трифоныч». Внимательно, как бы изучая его, все приглядывались к новому ответственному организатору. Были очень удивлены его молодостью. Однако, присмотревшись к нему, вскоре убедились, что он не по летам серьезен и сдержан. В его словах не было ни юношеской заносчивости, ни смущения. Они были спокойны, просты, деловиты. В них сказывалось умение разбираться в обстановке, зрелая мысль и твердая решимость. Располагала к нему его внутренняя собранность, в нем чувствовался большой запас энергии, как в туго натянутой тетиве лука. Понравилась и внешность «Трифоныча» — его округлое добродушное лицо, дышащее здоровьем, на редкость чистое, белое с румянцем, проступавшим сквозь тонкую кожу, с юношеским пушком на верхней губе. Темнорусые волосы, поднятые кверху и подстриженные ежиком, открывали большой выпуклый лоб. Серые глаза лучились внутренним блеском и оттого казались темнее…

Конференцией руководил Афанасьев, по партийной кличке

«Отец», старый опытный революционер. Участники конференции обсудили положение на фабриках и заводах. По предложению «Трифоныча»-Фрунзе решили объявить 12 (25 по новому стилю) мая всеобщую стачку. Тут же, на собрании, выработали и утвердили двадцать шесть требований для предъявления их фабрикантам от имени всех рабочих Иваново-Вознесенска.

Наряду с экономическими были выдвинуты и политические требования, в частности о «немедленном созыве Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, тайного и равного для всех граждан и гражданок избирательного права». Было решено также срочно выпустить прокламацию с призывом ко всем рабочим о проведении всеобщей стачки.

Рабочие дружно откликнулись на этот призыв. Первыми забастовали рабочие фабрики Бакулина. В полдень на фабричном дворе собралась группа рабочих во главе с Дунаевым — видным членом партийной организации, весьма популярным среди иваново-вознесенских ткачей. Призывно заголосил гудок. Из всех корпусов бурными потоками хлынули рабочие и заполнили весь двор.

В радостном возбуждении они смотрели вокруг и как бы дивились, что их так много, что они — сила, грозная, могучая сила.

На середину двора выкатили бочку. Подпираемый другими, на нее взобрался Дунаев и обратился к рабочим с призывом. В ответ раздавались одобрительные возгласы. И вскоре вслед за своим вожаком рабочие устремились к воротам. Охранники попытались преградить им дорогу, но под напором толпы вынуждены были отступить. Ворота распахнулись и стачечники вышли на мостовую. Запоздало появился отряд казаков, потоптался на месте и, почувствовав свое бессилье, отъехал, стал издали наблюдать за демонстрантами.

А они, разбившись на колонны, под руководством членов партийной организации, двинулись в разных направлениях к фабрикам Бурылина, Дербенева, Маракушева, Зубкова, Полушина, чтобы затем итти всем вместе на площадь. В одной из колонн шагал юноша с серыми лучистыми глазами, полными неизъяснимой радости и неукротимого дерзания. Это был «Трифоныч».

Поздним вечером за городом, на берегу Талки, он вместе с другими членами партийной группы подводил первые итоги начавшейся стачки. Явный успех радовал всех. Надо было развивать его. Решили назавтра провести рабочий митинг на площади против Городской управы.

Сюда с раннего утра потянулись вереницы рабочих. Вскоре

вся площадь и прилегающие к ней улицы были заполнены стачечниками. Начался митинг. Были зачитаны требования рабочих, которые после одобрения тут же были вручены фабричному инспектору для передачи фабрикантам. Затем провели добровольный сбор денег в пользу забастовавших, нуждавшихся в помощи. По рядам ходили выбранные сборщики с картузами в руках, и в картузы сыпались трудовые медяки, мелкое серебро, иногда бумажные рубли. Кто-то предложил итти за город, на реку Талку, и все охотно согласились. Все почувствовали, что здесь, на площади, им тесно. Все рвались к простору, к вольной жизни, к свободе…

С песнями, радостно возбужденная людская масса тронулась и бесконечными лентами растянулась по улицам. «Трифоныч» был в первых рядах. К нему часто подходили рабочие, с ним советовались, его расспрашивали.

Стачечники расположились на берегу реки в километре от Иваново-Вознесенска, вблизи железнодорожных путей. И здесь произошло историческое событие: иваново-вознесенские ткачи приступили к выборам своих депутатов в Совет. И хотя орган своей рабочей власти они называли в те дни то Собранием депутатов, то Советом уполномоченных, до Депутатским собранием, но по существу это был один из первых Советов рабочих депутатов в России.

Стачечники в целях более организованной борьбы решили выделить из своей среды доверенных людей для переговоров с фабрикантами и отстаивания рабочих интересов. В этом сказались и мудрость народных масс и большевистский опыт революционной борьбы. Последующая же борьба иваново-вознесенских ткачей вскоре не только оправдала возникновение такого органа, но углубила и расширила его значение. Совет уполномоченных сейчас же после своего оформления стал превращаться из стачечного комитета в более полномочный орган рабочей власти, готовый заменить собою и Городскую думу, и фабричную администрацию, и всех царских чиновников.

Ткачи с необычайным воодушевлением приступили к выборам уполномоченных. Выбирали наиболее преданных людей простым большинством голосов из расчета один уполномоченный на двести пятьдесят рабочих.

13 мая успели избрать лишь по некоторым фабрикам — около пятидесяти депутатов.

А тем временем еще люднее становилось на берегах Талки. Светлая радость переполняла сердце «Трифоныча». Его окружали близкие ему люди, которые, как и он, были счастливы первой удачей; в борьбе, горды первой победой над общим врагом.

«Трифонычу» и прежде приходилось бывать в рабочей среде, и это всегда было для него интересно. Но так близко, вплотную, он впервые только теперь знакомился с рабочими. И он благодарно подумал о том, что партия направила его именно сюда, в Иваново-Вознесенск, да еще в такое горячее время.

Стачка продолжалась. Попрежнему настойчивы рабочие в своих требованиях. Упорствовали, не шли на уступки и фабриканты. С 18 мая губернатор запретил собрания на площадях и улицах города. Жизнь городских окраин переместилась на Талку. Река стала излюбленным местом рабочих, куда они с раннего утра уходили в одиночку, группами, целыми фабриками.

Установился даже распорядок дня. Раньше других приходили сюда члены городской партийной группы. Они намечали повестку дня общих собраний, митингов, принимали решения по руководству стачкой. Все эти вопросы вторично обсуждались на заседаниях Совета уполномоченных с участием членов партийной группы. Затем уполномоченные и партийцы переходили на другой берег Талки, где уже к этому времени стекались тысячи рабочих.

Открывался общий митинг. Выступал докладчик, за ним второй, третий. Часто общий митинг распадался, и уже в разных местах одновременно выступало несколько ораторов. Агитационные речи сменялись обстоятельными докладами, читались и обсуждались газеты, прокламации, «Бюллетень», который Иваново-Вознесенская группа РСДРП стала выпускать ежедневно с 23 мая.

Постепенно собрания на Талке превратились в рабочий «университет». Здесь массы обогащались знаниями, расширяли свой умственный кругозор, прояснялось их общественно-политическое сознание. Одними экономическими интересами рабочие уже не ограничивались. Все чаще и смелее говорили на политические темы. Крепло убеждение в том, что нельзя освободиться от капиталистического рабства без предварительного свержения царизма.

Популярность собраний на Талке ширилась. Из окрестных сел и деревень, из других городов сюда приезжали рабочие и крестьяне. Среди них рос авторитет Сонета уполномоченных, к нему они обращались со своими нуждами, за советами и помощью. Они жаловались на притеснение со стороны сельских и городских властей. Их внимательно выслушивали, давали советы, посылали депутатов на места для расследования и оказания содействия.

В эти дни вырос и авторитет «Трифоныча». Его юность уже никого не смущала. Все убедились в его опыте и организаторских

способностях. С его мнением считались. Его указания охотно выполнялись. Он уже ознакомился с местной обстановкой и теперь стал общепризнанным руководителем. К его голосу прислушивались и на заседаниях партийной группы и на собраниях Совета уполномоченных.

Особенно большое внимание «Трифоныч» уделял рабочим собраниям на Талке. Здесь, в этом «университете на Талке», шла усиленная подготовка масс к борьбе. И это понимал «Трифоныч». Сам он, как подпольщик, не мог открыто выступать: партийная группа запретила, оберегая его. Но ему поручили воспитание и подготовку агитаторов и пропагандистов. «Трифоныч» присматривался к рабочим, подбирал из них наиболее подходящих и начинал с ними работать. Это были люди еще неопытные, к выступлениям на рабочих собраниях непривычные. Нужно было не только передать им знания, но и привить ораторские навыки, приучить свободно выступать перед массами.

Эта работа увлекла «Трифоныча». Целыми днями он беседовал с рабочими, знакомился с их интересами и взглядами, намечал темы для их докладов, рекомендовал литературу, руководил чтением, совместно обсуждал прочитанное, помогал усваивать правильное, большевистское мировоззрение. А придя домой, до глубокой ночи просиживал за составлением подробных конспектов и тезисов к докладам и речам. Утром же он спешил опять на Талку и там, подробно разъяснив конспекты и тезисы, передавал их начинающим ораторам. По его совету они разучивали наедине, а затем в присутствии одного «Трифоныча» где-нибудь в укромном местечке, в глухом лесу, в полутемном сарае, произносили свои первые речи. Сначала новички смущались, путали, говорили не то, что нужно. Но «Трифоныч» терпеливо помогал им, подсказывал, где нужно, исправлял, осторожно, щадя самолюбие, критиковал и тут же одобрял удачное, укреплял их веру в себя, заставлял повторять речь. Это особое умение «Трифоныча» — сначала похвалить, а затем покритиковать и даже поругать — нравилось рабочим агитаторам и помогало им расти. И они с каждым разом выступали все смелее и лучше. Их речь становилась более гладкой и убедительной. Это радовало их и еще более радовало самого «Трифоныча». Он уверял, что их ожидает успех, вел их на Талку и заставлял выступать уже перед массами. А сам, встав незаметно где-нибудь в стороне, внимательно следил за их первыми выступлениями, волнуясь за них и вместе с ними. Он искренно радовался их успехам, гордился их удачами.

Успехам иваново-вознесенских стачечников радовались все, кому были дороги интересы рабочего класса, интересы

революции. Всеобщая стачка в Центральном промышленном районе являлась ярким проявлением революционных настроений русского пролетариата, показателем огромного роста его общественно-политического самосознания. «Слов нет, — писал В. И. Ленин по этому, поводу, — много еще темноты и забитости в народе, масса еще труда должна пойти на развитие самосознания рабочих, не говоря уже о крестьянстве. Но посмотрите, как быстро выпрямляется вчерашний раб… Посмотрите на центральный промышленный район. Давно ли казался нам спящим глубоким сном, давно ли считали там возможным только частичное, дробное, мелкое, профессиональное движение? А там уже разгорелась всеобщая стачка. Поднялись и поднимаются десятки и сотни тысяч»[4].

Собрания на Талке сильно беспокоили царскую охранку. Второго июня был опубликован приказ губернатора об их запрещении на том основании, что «лица, собирающиеся на реке Талка, не ограничиваясь обсуждением чисто фабричных дел, занялись вопросами государственного значения, причем отдельные лица дозволяют себе явно возмутительные речи против правительства».

Но несмотря на полицейские угрозы, рабочие решили не прекращать собраний на Талке. Третьего июня они опять сошлись на ее берегах. Узнав об этом, власти направили туда большие отряды полиции, пехоты и казаков. Произошло кровавое побоище. Рабочих, женщин и даже детей хлестали нагайками, рубили шашками, расстреливали из винтовок. Было много убито и ранено безоружных, ни в чем неповинных людей.

Кровавое побоище вызвало огромное возмущение среди рабочих Иваново-Вознесенска. Испугавшись, власти вынуждены были отменить приказ и разрешить рабочие собрания на Талке.

Между тем волна стачечного движения поднималась все выше и ширилась. Из Иваново-Вознесенска она вскоре распространилась по всему Иваново-Вознесенскому промышленному району. Со второй половины мая стачка вспыхнула в Шуе, затем в Тейкове, Кохме и других рабочих поселках. Всего по району бастовало около семидесяти тысяч рабочих. Руководила стачкой по всему району Иваново-Вознесенская группа большевиков. Она давала указания, снабжала политической литературой, направляла в район партийных организаторов и агитаторов.

Выдающуюся роль играл «Трифоныч». Он часто выезжал в район, всюду поднимал рабочих на борьбу, воодушевлял их, разъяснял цели и задачи стачки. И где бы ни появлялся, он везде быстро завоевывал авторитет и признание, несмотря на свою

молодость. Его уже повсеместно знали, уважали, с нетерпением ожидали. И он ехал по первому зову, невзирая ни на лишения, ни на трудности передвижения, ни на опасность подпольной работы…

Уже третий месяц продолжалась всеобщая стачка. Руководимые большевиками стачечники проявили небывалую стойкость. Лишившись заработка и терпя большую нужду, они продолжали настаивать на выполнении своих требований. Но силы их все же слабели с каждым днем. Касса истощилась, уже не было средств для оказания помощи голодавшим. Следовательно, надо было во-время, также организованно прекратить стачку, не теряя веры в окончательную победу. Приходилось пока отступать. Но все были убеждены, что отступают не как побежденные. Наоборот, за время стачки рабочие убедились в своей силе. Частично их требования были удовлетворены. А главное, они теперь по-иному стали понимать жизнь, их сознание прояснилось.

«Многому научила нас стачка, — говорилось в прокламации, выпущенной по поводу прекращения стачки. — До нее многие из нас были настолько темны, что не хотели ни понимать, ни сознавать, ни думать о своем положении. Разве не увидели мы, кто помогает нашим врагам-хозяевам? Поняли мы, что, пока власть находится у царя, который только и думает о капиталистах, мы никогда не сможем улучшить свое положение».

По предложению «Трифоныча», было решено 1 июля встать на работу. Но еще долго волна стачечного движения перекатывалась с фабрики на фабрику. Казалось, вот уже все успокоилось. Рабочие возвратились к станкам. Вдруг по цехам пронеслась весть об аресте уполномоченных — и опять волнение, опять рабочие бастуют. Но эти вспышки с каждым днем были все реже и короче, и к концу июля все фабрики работали бесперебойно.

Борьба иваново-вознесенских ткачей приковала внимание рабочих других городов. За ней следили с волнением, радовались ее успехам, огорчались неудачами, признавали ее огромное значение.

«Три дня баррикад и уличных боёв в Лодзи, стачка многих десятков тысяч рабочих в Иваново-Вознесенске с неизбежными кровавыми стычками с войсками, восстание в Одессе, „бунт“ в Черноморском флоте и либавском флотском экипаже, тифлисская „неделя“ — всё это предвестники приближающейся грозы»[5] — писал в те дни товарищ Сталин.

В. И. Ленин также отметил огромное значение иваново-вознесенской стачки. По его мнению, она «показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих. Брожение во всем

центральном промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки. Теперь это брожение стало выливаться наружу, стало превращаться в восстание»[6].

В июле 1905 года в Костроме состоялась конференция всех групп Северного комитета РСДРП. В числе других отчитывалась и иваново-вознесенская группа.

Конференция убедилась, что Иваново-Вознесенская партийная организация в период всеобщей стачки не только количественно выросла, но и окрепла политически, идейно. Ввиду этого, а также в связи с ликвидацией Северного комитета РСДРП было решено преобразовать группу в Иваново-Вознесенский городской комитет РСДРП, во главе с Фрунзе («Трифоныч»), Афанасьевым, Дунаевым и др.

Вскоре после возвращения из Костромы «Трифоныч» был направлен в Шую для организации там партийной работы. Население этого фабрично-заводского города в основном было пролетарским. Свыше десяти тысяч рабочих жило здесь. Как и в Иваново-Вознесенске, шуйские рабочие страдали под гнетом бесправия и нужды. Надвигавшаяся революционная буря и здесь всколыхнула всех. В рабочих массах наблюдалось брожение. Учащались открытые выступления против властей. Но местная партийная организация пока была слаба. В ней насчитывалось всего семнадцать членов.

«Трифоныч» решил прежде всего развернуть работу по привлечению в партию наиболее сознательных рабочих. Всех партийцев он прикрепил к фабрикам и заводам. Каждый партиец получил задание выявлять на своем предприятии наиболее подходящих, революционно настроенных рабочих, проводить с ними беседы, вовлекать их в общественно-политическую работу и постепенно подготавливать к вступлению в партию.

Руководствуясь советами «Трифоныча», пропагандисты-партийцы вскоре добились больших успехов. Партийная организация стала пополняться. Сам «Трифоныч» непосредственно знакомился с передовиками из рабочих, помогал им усваивать большевистское мировоззрение, понять большевистскую тактику революционной борьбы.

Подбирая и воспитывая партийные кадры, «Трифоныч» особое внимание обращал на подготовку боевых дружин. Он знал, что предстоят тяжелые бои и что к этим боям надо готовиться. Знакомясь с шуйскими рабочими, он отбирал наиболее подходящих и сам лично обучал их военкому делу.

Подготовка боевых дружин шла весьма успешно. Уже не хватало для всех привозного оружия, особенно боеприпасов. «Трифоныч» решил наладить секретное производство патронов и

бомб в Шуе. Была создана разветвленная сеть мастерских и лабораторий с надежными людьми. Вскоре шуйские боевики могли отбиваться от полиции собственными гранатами, обстреливать казаков пулями своего производства.

Революционно-боевая деятельность «Трифоныча» весьма обеспокоила царскую охранку. Жандармы почувствовали опытную руку большевистского организатора. Решено было выследить его и арестовать. Однако, несмотря на все усилия, агенты охранки долго не могли изловить «Трифоныча», не раз ускользавшего из их рук. Но вот в ночь на 30 октября 1905 года им, наконец, удалось схватить его.

В эту ночь «Трифоныч», находясь по партийным делам в Иваново-Вознесенске, отправился за город, в лес, на тайное собрание. С ним шли еще два партийца. Вдруг из засады выскочили на конях казаки и полицейские. Не успел «Трифоныч» выхватить револьвер, как был окружен, обезоружен и зверски избит. Затем один из казаков накинул на шею «Трифоныча» аркан, привязанный к седлу и поскакал. За ним вынужден был бежать «Трифоныч». Петля душила. Спасаясь, он схватил веревку руками, чтобы она не сдавила шею еще туже, и пытался поспеть за скакавшей лошадью. Но было трудно. Спотыкаясь, он не раз падал в грязь, поднимался и вновь бежал.

Казак же захотел еще более поиздеваться над своей жертвой. Поровнявшись с решетчатым палисадником, он осадил коня и приказал арестованному залезть на изгородь. Предполагая, что казак хочет посадить его с изгороди к себе на коня, обессиленный «Трифоныч» с трудом взобрался на забор. В этот момент казак стегнул лошадь нагайкой, и та рванулась. От неожиданности «Трифоныч» не успел высвободить: свои ноги из решетки: они там застряли и вытянулись в мучительном напряжении. «Трифоныч» почувствовал, как что-то хрустнуло в коленке левой ноги, нестерпимая боль пронзила всего, и он потерял сознание.

На всю жизнь остались следы этого зверства. Впоследствии, много лет спустя, Фрунзе во время ходьбы иногда внезапно останавливался и, нагибаясь, что-то делал со своей левой ногой и затем продолжал итти. И не все из окружавших звали, что в эти моменты в его когда-то искалеченной ноге соскальзывала коленная чашечка, и он вставлял ее на ходу…

Как дотащили до тюрьмы — «Трифоныч» не помнил. Лишь в тюремной дежурке сознание вернулось к нему. Здесь его опросили, а потом отвели в камеру, по дороге опять избив до полусмерти. На следующий день начались допросы. Жандармы тщетно пытались вырвать у него признание в «преступной» деятельности. За недостаточностью улик пришлось прекратить

следствие. Однако, считая пребывание Фрунзе в Шуе опасным, охранка выслала его в административном порядке в Казань под надзор полиции.

В Казань Фрунзе был доставлен под конвоем в конце ноября 1905 года. И в тот же день, лишь очутившись на свободе, он выехал обратно в Шую и снова стал работать в большевистском подполье под новой партийной кличкой «товарищ Арсений».

Вскоре после возвращения Фрунзе была созвана окружная партийная конференция с участием представителей Шуи, Кохмы, Лежнева, Горок (Шарыгинских), Тейкова, Гаврилова-Посада, Середы и Родников. Во всех этих городах и рабочих поселках Фрунзе уже создал крепкие партийные группы и кружки. Конференция постановила образовать Окружную партийную организацию и избрала Иваново-Вознесенский окружной комитет РСДРП во главе с «товарищем Арсением». А Шуя стала окружным партийным центром.

Еще сильнее закипела партийная жизнь в округе. Была создана подпольная типография. В ней печатались революционные листовки. Устная агитация проникала не только на фабрики и заводы, но и в деревни, где среди крестьян возникали партийные ячейки. В округе не прекращались стачки. То тут, то там вспыхивали крестьянские восстания. Усиленно продолжалась подготовка боевых дружин.

Наступил декабрь 1905 года. Над Россией багрово полыхало знамя революции. Отовсюду шли радостные вести о могучем подъеме рабочего движения. Призывным эхом прозвучали в Шуе первые залпы московского вооруженного восстания. Всколыхнулась рабочая масса. На митингах раздавались горячие призывы к немедленной помощи москвичам. Срочно сформировался рабочий отряд из боевиков. Многие горели желанием вступить в его ряды. Но «Арсений» отбирал лишь самых крепких, самых надежных.

К шуйским рабочим, выехавшим в Москву во главе с «Арсением», по дороге присоединились дружинники Иваново-Вознесенска и Кохмы. В Москве они влились в рабочий отряд, который вел ожесточенный бой с царскими войсками на Тверской улице в районе Садово-Триумфальной площади.

«Арсений» проявил большое мужество и отвагу. Благодаря ему, рабочий отряд вышел из весьма опасного положения. Отряд попал в окружение и, будучи отрезан царскими войсками, три дня провел без сна и пищи. Дружинники не раз пытались прорваться, но мешал вражеский пулемет, подвергавший их губительному обстрелу. Тогда «Арсений» вместе с несколькими дружинниками пробрался в неприятельский тыл и захватил пулемет. Под

прикрытием уже своего пулеметного огня отряд смог в порядке, и без больших потерь отойти к Красной Пресне.

Разгром московского вооруженного восстания не подорвал у «Арсения» веры в окончательное торжество трудящихся. По возвращении в Шую он еще с большей настойчивостью продолжал подготавливать рабочих к дальнейшей борьбе.

Популярность «Арсения» ширилась. Рабочие верили ему во всем, охотно шли за ним, прислушивались к его словам. Большим авторитетом пользовался он и в партийной организации. От ее имени он не раз выступал на партийных конференциях.

В апреле 1906 года в Стокгольме созывался IV (Объединительный) съезд РСДРП. И на этот съезд своим делегатом иваново — вознесенские и шуйские большевики послали «Арсения». Это был самый молодой делегат съезда: «Арсению» едва исполнилось двадцать один год. На этом основании меньшевики в мандатной комиссия пытались даже опорочить достоверность делегатских полномочий «Арсения», указывая на то, что такая крупная организация, как иваново-вознесенская, не могла делегировать такого «юнца».

Но вскоре меньшевикам пришлось убедиться в том, что этот «юнец» был уже закаленным большевиком, искушенным в тактике и стратегии партийной борьбы, с твердо сложившимися большевистскими убеждениями. На всех заседаниях съезда он ни разу не изменил своих большевистских позиций, всегда голосовал вместе с большевиками. И хотя при голосовании большевики терпели одно поражение за другим, так как на съезде они оказались в меньшинстве (при разгроме русской революции 1905 года пострадали главным образом большевистские кадры, и потому во многих городах меньшевики смогли провести своих кандидатов на съезд), тем не менее «Арсений» оставался убежденным в своей правоте и продолжал стойко отстаивать большевистские взгляды.

На этом съезде Фрунзе впервые увидел Ленина и лично познакомился с ним. Когда на трибуну поднялся Владимир Ильич, чтобы сделать доклад по аграрному вопросу, Фрунзе встрепенулся. Ведь это была его давняя мечта — услышать самого Ленина!

Фрунзе и прежде целиком покоряла неотразимая логика ленинских статей, глубоко волновала их страстность. Но теперь, слушая Ленина, он еще сильнее почувствовал захватывающую силу ленинских высказываний, неоспоримую правоту и величие ленинских убеждений.

Большое впечатление произвели на Фрунзе и выступления товарища Сталина («Ивановича»), прямота и принципиальность

его речей, решительная и смелая поддержка им ленинских позиций. Молодой Фрунзе внимательно прислушивался к его словам. На съезд он смотрел, как на самую высшую школу политического воспитания. Слушая Ленина, Сталина и других испытанных большевиков, Фрунзе проверял себя, свои взгляды, учился быть принципиальным, целеустремленным.

Здесь же, на съезде, Фрунзе подружился с Ворошиловым («Володиным»), Они часто в перерывах между заседаниями сходились, делились впечатлениями, припоминали наиболее важные высказывания Ленина и Сталина. За месяц совместной жизни в Стокгольме они близко узнали друг друга. А общая непримиримая борьба с меньшевиками спаяла их дружбу навсегда.

Участие в работах съезда, непосредственное знакомство с вождями и выдающимися деятелями партии еще более укрепили боевой дух молодого большевика, еще более закалили его волю к борьбе, помогли стойко, по-большевистски встретить мрачные годы наступившей черной реакции.

Теперь, в условиях всеобщей реакции, партийная работа в Шуе значительно осложнилась. Приходилось бороться не только с царизмом и буржуазией, но и с враждебными политическими партиями и группировками. Прежде и в Шуе и в Иваново-Вознесенске большевики пользовались исключительным признанием рабочих масс. Влияние меньшевиков и эсеров было ничтожно. После же разгрома революции соглашатели стали пытаться завоевать доверие шуйских и иваново-вознесенских рабочих.

Ввиду этого «Арсению» пришлось усилить борьбу против соглашателей, особенно против эсеров, заславших в Шую своих видных агитаторов. Выступая в диспутах и на рабочих собраниях, «Арсений» разоблачал всю несостоятельность эсеровской политики, всю лживость и порочность эсеровских взглядов.

Труднее стало работать и вследствие усиления полицейских преследований. Жандармы охотились за большевиками, Царская охранка засылала в партийную организацию провокаторов. Участились случаи провалов и арестов. Многих уже судили, а затем отправляли на каторгу и в ссылку.

Под постоянной угрозой ареста находился и «Арсений». Его партийные друзья не раз предлагали ему переехать в Иваново-Вознесенск, предупреждали, что в Шуе он на примете у полиции, и потому работать там опасно. Но «Арсений» не соглашался. Ело тянуло к шуйским рабочим, он сжился с шуйской партийной организацией, в которой было уже не семнадцать, а около пятисот членов — больше, чем в Иваново-Вознесенске. «Арсений»

чувствовал, что в это трудное время надо поддерживать и сплачивать их ряды.

Но чем активнее работал «Арсений», тем большую ненависть и озлобление он вызывал у царской охранки. Ее агенты день и ночь гонялись за ним, тем более, что за его арест была назначена большая награда — в тысячу рублей. Не раз они нападали на его след. Но «Арсению», благодаря находчивости и самообладанию, удавалось ускользать из их рук.

Особенно усердствовал полицейский урядник Перлов, жадный до наград. Он всюду преследовал «Арсения». И вот однажды, в феврале 1907 года, «Арсений» и его партийный друг Павел Гусев, столкнувшись с Перловым, обстреляли его. Это еще более озлобило полицию. Она усилила слежку. В ночь на 24 марта 1907 года «Арсений» и Гусев, выданные провокатором, были арестованы.

IV. В камере смертников

Сначала их заключили в местную тюрьму. Но опасаясь вооруженного нападения шуйских рабочих, Фрунзе и Гусева на второй день после ареста отправили во Владимир. Начались допросы.

Фрунзе и Гусева как особо опасных «преступников» разместили по одиночным камерам, а следствие повел сам прокурор Владимирского окружного суда. По законам того времени, за вооруженное нападение на полицию приговаривали к смертной казни. Поэтому прокурор, желая расправиться с Фрунзе, всячески пытался вырвать у него признание в покушении на урядника Перлова. Но Фрунзе, зная, что у прокурора против него нет прямых, достаточных улик, категорически отрицал свое участие в этом покушении. Он лишь признал свою принадлежность к большевистской организации.

Уже за одно это его ожидало суровое наказание — каторга. Но прокурору этого было мало. Он надеялся сломить упорство Фрунзе, и потому следствие затянулось надолго.

В марте 1908 года состоялся суд над Гусевым. На суде Перлов сумел представить доказательства того, что в покушении на него участвовал и Фрунзе. Ввиду этого после дополнительного расследования в январе 1909 года во Владимирском военно-окружном суде вторично рассматривалось дело о покушении на Перлова.

Суд был скорый и пристрастный. Без достаточных юридических оснований, с явным нарушением правил судопроизводства, обвиняемых Фрунзе и Гусева признали виновными и приговорили к смертной казни через повешение.

Стойко, мужественно выслушал Фрунзе жестокий приговор. С возмущением он отклонил совет своего адвоката обратиться к царю с просьбой о помиловании.

Под усиленным конвоем отвели осужденных опять в тюрьму, переодели в арестантские халаты, заковали в кандалы и бросили в камеру смертников.

Гробовым, жутким безмолвием пахнуло из нее на Фрунзе. В камере были люди. Но они молчали с открытыми глазами, полными смертельного страха и тоски.

Наступили для Фрунзе тяжелые дни томительного ожидания. Здесь, среди смертников, было тяжелее, чем даже в одиночной камере. Невыносимо тяжело смотреть, как смертники судорожно и безнадежно метались по камере, потом вдруг застывали, прислушиваясь к каждому шороху: не скрипнет ли дверь и не

войдет ли палач за кем-нибудь из них. И нередко тюремщики приходили и на глазах у всех уводили обреченных на казнь. Жалобно звенели в последний раз их кандалы. И больно, до жути больно было сознавать бессилие: нельзя ничем ни утешить уходивших навсегда, ни приободрить оставшихся.

Но жажда жизни у Фрунзе была неиссякаема и влекла его к деятельности. Ожидая каждую минуту вывода на виселицу, он все же имел силы и желание заниматься. По его просьбе с воли ему присылали книги, и каждую из них он внимательно прочитывал, делая пометки на полях. Среди доставленных ему книг было «Введение в изучение права и нравственности» Петражицкого. Он изучал право среди дарившего кругом бесправия, произвола и насилия. Он читал о нравственности, когда задыхался от подлости и жестокости. Среди могильной немоты он систематически изучал английский язык. Сколько же нужно было иметь сил для этого и какое самообладание!

Томительное ожидание смертельного конца затянулось. Уже многих увели из камеры, и они исчезли навсегда. Им на смену подбрасывали других смертников. И эти вскоре тоже исчезали. А о Фрунзе как будто бы забыли. Итак, в смертельном ожидании, с постоянным ощущением веревки на шее, пробыл он в кошмарной камере свыше двух месяцев. Нередко смертники от двух дней такой невыносимой пытки сходили с ума, а он, мужественный, сильный духом, сумел пережить столь долгий срок сплошных страданий и терзаний.

И вдруг пришло спасение! После суда над Фрунзе и Гусевым их защитники подали кассационную жалобу, ввиду допущения судьями многих нарушений судопроизводства. И вот, наконец-то, в главном военном суде рассмотрели эту жалобу и вынуждены были отменить смертный приговор.

Получив извещение об этом, один из защитников немедленно отправился в тюрьму, чтобы обрадовать Фрунзе и Гусева. Было уже за полночь, В эти ночные часы смертники особенно чутко, прислушивались, так как обычно именно ночью, под утро, выводили на казнь.

Вдруг открылась дверь в камеру, и тюремщики позвали Фрунзе и Гусева. Все вздрогнули, переглянулись. Большинство облегченно вздохнуло: не их черед. А Фрунзе и Гусев поднялись с нар и пошли. Они не сомневались в том, что их ведут на виселицу.

Неожиданно привели в тюремную контору. И тут-то Фрунзе и Гусева встретил защитник и сообщил им об отмене приговора. Фрунзе сначала не поверил: ему казалось, что защитник, обманывая, хочет в последнюю минуту утешить их этой ложью.

Тогда защитник показал телеграмму, полученную из Петербурга. Но и это не убедило Фрунзе. И только когда стали снимать с него кандалы, он понял, что может еще жить, что, может быть, доживет и до свободы…

Теперь его перевели в общую камеру. Здесь помещались не только политические, но и уголовные заключенные. Трудно было ужиться в таком обществе, среди людей порочных, неисправимо преступных, ожесточенных, нелюдимых. Но мягкий, ласковый характер Фрунзе, его доброта, отзывчивость располагали к нему даже самых закоренелых, отпетых уголовников. Даже они считались с ним и часто просили его быть судьей в их спорах.

Но особенно уважали и любили Фрунзе политические заключенные. Они избрали его своим старостой. От их имени он настаивал перед тюремным начальством на улучшении условий тюремной жизни. Под его руководством политические заключенные вели борьбу против произвола и насилия. Для них он был другом, всегда отзывчивым товарищем, помогавшим им и в политическом просвещении и в занятиях по общему самообразованию.

Томясь в тюремном заключении, Фрунзе рвался на волю, к активной революционной борьбе. Как-то в тюрьму прислали свыше ста матросов, осужденных на каторгу за участие в свеаборгском восстании. Вскоре среди матросов начались разговоры о побеге. Было решено устроить подкоп. Узнав об этом, Фрунзе принял деятельное участие в разработке плана подкопа и в организации побега. Задумали прорыть проход из-под тюремного здания на улицу. Работа была трудная. Заключенным приходилось спускаться с верхнего этажа по вентиляционной трубе с риском оборваться, упасть и разбиться. Работали ночью. Спускались поочередно, сменяя друг друга каждые два-три часа. Подкоп подвигался успешно, без помех, быстро. Уже прошли через тюремный двор, оставалось еще несколько метров, а там улица, желанная свобода. Но неожиданно произошло несчастье: по тюремному двору проезжали телеги с дровами, и вот один, особенно нагруженный воз провалился. Подкоп обнаружили, началось расследование; заключенных, особенно Фрунзе, как главаря заговорщиков жестоко избили.

Опять прошло много томительных месяцев, а расследование по делу о покушении на Перлова все тянулось. Тем временем против Фрунзе накапливался другой обвинительный материал.

После заключения Фрунзе в тюрьму аресты в Шуе и Иваново-Вознесенске еще более участились. В охранке подобрался большой материал против арестованных: отчеты, уставы, протоколы, прокламации, письма. Все эти материалы были

использованы для проведения в феврале 1910 года большого судебного процесса по делу Иваново-Вознесенской партийной организации.

В качестве обвиняемых были привлечены тридцать восемь большевиков, в том числе и Фрунзе. Многих приговорили к заключению в крепость и в ссылку на поселение. Некоторых же, наиболее опасных, осудили на каторгу. Фрунзе приговорили к четырем годам каторжных работ.

Но этого для царской охранки было мало. Она еще надеялась добиться беспощадного приговора для Фрунзе. У нее в запасе было все то же дело о покушении на урядника Перлова.

Это дело в третий раз рассматривалось в сентябре 1910 года. И опять был вынесен жестокий приговор — к смертной казни через повешение.

Опять заковали Фрунзе в кандалы. Поместили его в одиночную камеру. Снова наступили дни томительного ожидания. Но теперь уже не на что было надеяться. Смерть неизбежна.

И вот остались считанные часы до рокового срока. Наступила последняя ночь, а утром, часов в шесть, должны повесить.

Желая избежать позорной, насильственной смерти от руки презренного палача, заключенный решил собственноручно покончить со своей жизнью. Он порвал простыню на широкие ленты, уже свил из них веревку, как вдруг опять пришло неожиданное избавление. Дверь в камеру открылась, и рядом с тюремщиком Фрунзе увидел своего адвоката. Тот сообщил ему о том, что хотя судебный приговор и утвержден, но под давлением общественного мнения командующий Московского военного округа смертную казнь заменил шестью годами каторги, а по совокупности с предыдущим приговором по делу Иваново-Вознесенской организации Фрунзе был приговорен к десяти годам каторги.

V. На каторге и в ссылке

Первые годы каторги Фрунзе отбывал во Владимирской тюрьме. Опять потянулся день за днем тюремной жизни. Опять тоска по воле глодала сердце. Опять волновало страстное желание вырваться на свободу.

Весной 1911 года Фрунзе вновь попытался бежать, но неудачно: выдал один из уголовников. И вновь пришлось принять нещадные побои и сырой карцер в наказание.

Все тягостнее становилось жить. К тому же непосильные, каторжные работы в корень подрывали здоровье. Особенно тяжело было носить восьмипудовые тюки с хлопком и пенькой на пятый этаж тюрьмы. Сначала Фрунзе, отличавшийся большой физической силой, справлялся с этой поистине каторжной работой. Но постепенно его силы слабели. И вот однажды, поднимаясь с тяжелой ношей, Фрунзе почувствовал, как в спине что-то хрустнуло, в глазах потемнело, и он повалился на пол, потеряв сознание. А когда пришел в себя, уже не мог поднять и легкого тюка.

После этого туберкулезный процесс, который открылся у Фрунзе осенью 1910 года, еще более обострился и стал угрожать жизни. И, несомненно, Фрунзе погиб бы во Владимирской тюрьме, если бы его родные не добились перевода его на юг, в Николаевскую каторжную тюрьму в июне 1912 года.

Южный климат помог больному несколько окрепнуть. Но сама тюрьма и здесь была также каторжная. Особенно жестоко обращались с политическими заключенными, изнуряя их тяжелым трудом. Фрунзе приходилось все делать. «Я ведь чем, чем только не был на каторге, — писал он из Николаевской тюрьмы. — Начал свою рабочую карьеру в качестве столяра, был затем садовником, огородником, а в настоящее время занимаюсь починкой водопроводов, сигнализации и, кроме того, делаю ведра, кастрюли, чиню самовары и пр.».

В другом письме он признавался с горечью: «На мне возят воду. Чувствую себя очень слабым… Но не теряю бодрости духа. Судя по лицу даже тюремной стражи, вижу, что на воле повеяло новыми веяниями, по солнцу вижу перемену жизни. Надо переносить до конца».

Надежда не обманула Фрунзе. Весной 1914 года состоялось решение о замене ему каторги ссылкой в Сибирь. Это было большой радостью для него: ведь ссылка для каторжника — надежда на свободу!

Трудным и длинным был путь в Сибирь. Пришлось долго

ехать под конвоем, затем брести пешком от одной каторжной тюрьмы до другой, неделями валяться там по нарам. Лишь в августе, наконец, доставили его в село Манзурка, Верхоленского уезда, Иркутской губернии, и сдали под надзор полиции.

Это было глухое, очень бедное село. Крестьяне жили впроголодь. Еще большую нужду и лишения приходилось испытывать ссыльным. В борьбе за свое существование Фрунзе работал дровосеком, столярничал, ходил на охоту и рыбную ловлю. И все же, несмотря на упорный труд, ему пришлось вести полуголодную жизнь, перебиваясь кое-как со дня на день.

Но и при этих тяжелых бытовых условиях Фрунзе неизменно оставался бодрым и жизнерадостным. Он всячески старался облегчить не только свою жизнь, но и жизнь других ссыльных, старался разнообразить ее полезными занятиями и интересными развлечениями. Дом, где он помещался, был центром для ссыльных. Туда они сходились, там читали газеты, обсуждали события, спорили. Особенно волновали всех события на фронтах первой мировой империалистической войны.

Для Фрунзе, как большевика, было очевидно, что мировая война — это канун долгожданной революции. И он с повышенным интересом следил за военными операциями. В этом сказалось и давнее его влечение к военному делу. В 1923 году в своей анкете на вопрос: «Какие знает специальности?» — Фрунзе ответил: «Столярное дело и военное». Столярному делу он научился на каторге, а военному — раньше, в большевистском подполье. Приобретенные в то время военные познания и личный боевой опыт теперь пригодились Фрунзе.

Война всколыхнула и заинтересовала всех ссыльных Манзурки. Но в то время как большинство из них судило о военных событиях поверхностно, часто ошибаясь, Фрунзе удивлял своей большой осведомленностью. Он хорошо знал боевую обстановку армий воюющих стран, их снаряжение, разбирался в стратегии и тактике и потому не только правильно и глубоко анализировал фронтовые сводки, но и делал предположения о дальнейшем развитии войны. И часто самые смелые предсказания сбывались, удивляя всех.

Вокруг себя Фрунзе сплотил группу из большевиков и стал систематически изучать с ними теорию военного дела, проводил коллективное чтение книг во военным вопросам. Среди ссыльных этот кружок в шутку называли «военной академией». В кружке шла подготовка военно-революционных кадров, проводились организационные меры к побегу ссыльных на фронт для революционной работы среди армейских масс… Ведь там, далеко, между Балтийским и Черным морями, бушевала война, и там

нужны были люди, способные сказать солдатам правду о кровавой бойне.

Несмотря на оторванность от партийных центров, Фрунзе с первых дней войны занял правильную, большевистскую позицию. Он вел непримиримую борьбу с «оборонцами», защищая большевистский лозунг о целесообразности поражения царизма в этой войне. Антивоенные настроения и взгляды Фрунзе отразились также и в его переписке того времени.

«Вы спрашиваете, — писал он в январе 1915 года своему партийному другу во Владимир, — каков мой личный взгляд на войну и отношение к ней социалистов?.. Что касается современной войны, то, по-моему, русским социалистам ни с каких точек зрения невозможно высказываться за активное участие в войне с вашей стороны. Это и принципиально недопустимо и практически бессмысленно. Вот мой взгляд. В общем я смотрю на положение довольно оптимистически. Воинственный задор скоро схлынет, выплывут на сцену все старые, больные вопросы нашей жизни, ибо война их только обострит, и снова закипит работа»[7].

Антивоенные настроения и военно-революционная работа Фрунзе, конечно, обратила внимание царской охранки. До нее дошли слухи, что ссыльные в Манзурке под руководством Фрунзе вооружаются и готовят восстание. Вскоре в Манзурку примчались жандармы, всех обыскали, но безрезультатно. Однако после доклада жандармского ротмистра, производившего обыск, губернские власти отдали приказ об аресте главарей военной группы ссыльных в Манзурке. Фрунзе, предупрежденный об этом, немедленно выехал в соседнее село и там скрылся. Но слежка за ним продолжалась. И вот 31 июля 1915 года в третий раз жандармы приехали в Манзурку и, произведя тщательный обыск, арестовали пятнадцать ссыльных, в том числе и Фрунзе.

По дороге в Иркутск, во время одного из ночных привалов, Фрунзе удалось бежать. Утром, когда конвойные обнаружили его исчезновение, поднялась суматоха, полетели телеграммы во все пункты в направлении к Европейской России: охранники были уверены, что беглец направился туда.

А Фрунзе в это время держал путь на восток. Обходя города и села, осторожно пробираясь сквозь дремучую тайгу, питаясь по дороге лишь ягодами, он, наконец, с трудом дошел до Читы. В город вошел с опаской, незаметно, затерявшись в огромном крестьянском обозе, что въезжал в это время в Читу.

Здесь Фрунзе поселился по фальшивому паспорту на имя Владимира Григорьевича Василенко и поступил на работу в областное переселенческое управление статистиком.

Фрунзе-«Василенко» возобновил революционную деятельность, организовал и редактировал еженедельный общественно-политический журнал «Восточное обозрение» с антивоенным направлением, выступал с публичными лекциями о войне, в которых также высказывал свои «пораженческие» взгляды.

Все это, конечно, не осталось незамеченным для полиции. Она начала следить за «Василенко» и вскоре убедилась, что это — Фрунзе, бывший каторжанин, бежавший из ссылки. Уже подготовлялся его арест, и только по счастливой случайности Фрунзе спасся.

С трудом добравшись до Москвы, Фрунзе затем переехал в Петроград, где раздобыл паспорт на имя Михаила Александровича Михайлова. С этим паспортом он и выехал на фронт в апреле 1916 года.

VI. В боях за Великий Октябрь

Война в то время была в разгаре. Обильно проливалась кровь рабочих и крестьян, одетых в серые шинели. Уже прошел первый угар ложного патриотизма. В солдатских окопах усиливалось брожение. Солдаты все больше понимали бессмыслие и преступность войны. В них росла жажда мира. Они рвались к своим голодным, обнищавшим семьям. Зарождалось желание расправиться с вековыми угнетателями и насильниками трудового народа.

Сюда-то, на фронт, в район Минска, в такое горячее время и приехал Фрунзе, полный решимости бороться за интересы трудящихся, за торжество грядущей социалистической революции.

Фрунзе под фамилией Михайлова поступил на работу в Комитет Западного фронта Всероссийского земского союза (организация, обслуживавшая тыл армии).

Отличаясь блестящими организаторскими способностями, он сумел завоевать доверие начальства и этим доверием стал широко пользоваться для своей военно-революционной работы. Фрунзе-«Михайлов» беспрепятственно разъезжал по войсковым соединениям, всюду организовывал большевистские ячейки, созывал и проводил партийные собрания, развозил и распространял военно-политическую литературу, вел агитацию среди солдат, разъяснял ленинские взгляды о войне и мире. Скоро третья и десятая армии Западного фронта были покрыты густой сетью подпольных большевистских организаций, нити которых сходились к скромному статистику Всероссийского земского союза — «Михайлову».

Влияние большевиков в армиях Западного фронта росло и ширилось. Военная контрразведка была весьма обеспокоена. Она повела усиленные поиски и вскоре напала на след. Многие большевистские организации были раскрыты. Но разгромить их не успели: началась Февральская революция.

В первые же дни революции именно Михаилу Васильевичу, которого в течение многих лет так жестоко преследовала и терзала царская охранка, было поручено разоружить в Минске полицию и жандармерию. Затем с особым увлечением он отдался своему любимому делу — военной работе, так как знал, что предстоит ожесточенная вооруженная борьба.

Фрунзе организовал в Минске съезд представителей армий Западного фронта. Большие способности военно-политического руководителя он проявил, выполняя обязанности члена

фронтового комитета армии Западного фронта и командира сводного отряда особого назначения. При участии Фрунзе была организована армейская газета «Звезда», одним из редакторов которой он был. В дни контрреволюционного корниловского восстания Фрунзе работал начальником штаба революционных войск Минского района и много содействовал разгрому этого мятежа. Он был одним из организаторов Минского Совета рабочих депутатов и постоянным членом его исполнительного комитета. Под руководством Фрунзе были проведены первые два съезда белорусского крестьянства, причем он был избран председателем съезда Советов крестьянских депутатов Белоруссии. Он сумел сплотить вокруг большевистской аграрной программы бедняцкие и середняцкие массы крестьянства, в результате чего по белорусским деревням и селам стал осуществляться раздел помещичьих земель, несмотря на запрет Временного правительства. При активном участии Фрунзе в Белоруссии шла подготовка к захвату всей власти Советами.

В стране назревали важные политические события. Там, в крупных промышленных центрах решались судьбы революции. Там все более обострялась борьба трудящихся под руководством большевистской партии против контрреволюционного Временного правительства. Разгром корниловщины в августе 1917 года наглядно показал, с одной стороны, явное бессилие врагов трудового народа и всю обреченность их контрреволюционных попыток, а с другой стороны, возросшую мощь трудовых масс, сплоченных и руководимых партией большевиков. Вместе с тем, борьба с корниловщиной еще более убедила в том, что Советы рабочих и солдатских депутатов, в которых с каждым днем возрастало большевистское влияние, способны сыграть важную роль в освобождении трудящихся от капиталистического рабства, в свержении контрреволюционного Временного правительства.

Приближались решающие дни борьбы за власть Советов на местах. И вот в конце августа 1917 года Фрунзе переехал в Шую, где прошли первые годы его революционной деятельности и где он еще при царизме поднимал массы на вооруженную борьбу.

В Шуе Михаил Васильевич был радостно встречен партийными друзьями и рабочими. Они признали в нем своего боевого руководителя, еще более закаленного на каторге и в ссылке, умудренного жизненным опытом.

С первых же дней появления в Шуе Фрунзе твердо проводил большевизацию местных органов власти и частей гарнизона, обучал боевые рабочие дружины. Вскоре он получил директиву партии готовиться к восстанию и захвату власти на местах.

С небывалой энергией Фрунзе принялся за выполнение этого боевого поручения. 18 (31) октября под его председательством заседал Шуйский уездный съезд Советов. Из докладов с мест было ясно, что рабочие и бедняцко-середняцкие массы крестьянства верят в силу Советов, дружно идут за большевиками. Как только дошла из Петербурга весть о перевороте, в Шуе без всяких осложнений, без пролития крови вся власть перешла к Советам.

Но в обоих столицах еще шли уличные бои, и это волновало шуйских рабочих, беспокоило Фрунзе. Особенно напряженные бои разгорелись в Москве. Туда, по приказу командующего войсками Московского военного округа Рябцева, стягивались из всех городов войска для разгрома социалистической революции.

Этим приказом Рябцева и задумал воспользоваться Фрунзе, решивший выступить на помощь восставшей Москве. Как вспоминает об этом сам Фрунзе[8], он, узнав об Октябрьском перевороте, немедленно выехал в Москву, где лично ознакомился с военным положением в столице. Возвратившись в Шую, Михаил Васильевич быстро сформировал большой отряд из красногвардейцев и надежных бойцов местного гарнизона и, под предлогом оказания помощи Рябцеву, погрузил их в вагоны и отправил в Москву. По дороге к отряду присоединились части из других гарнизонов, и он вырос до двух тысяч бойцов.

30 октября (12 ноября) отряд подъезжал к Москве. На вокзале и в прилегающих к нему районах распространился слух о том, что едут войска Керенского для подавления большевистского восстания. Каково же было удивление, когда отряд вдруг, с марша, вступил в бой с юнкерами. Отважные шуйцы и приставшие к ним революционные бойцы пошли в атаку и штурмом овладели гостиницей «Метрополь» — одним из последних очагов московской контрреволюции.

То, что Фрунзе не удалось в декабре 1905 года, в дни боев на Красной Пресне, теперь осуществилось. Победа была обеспечена при участии шуйских рабочих, организованных Фрунзе и вторично сражавшихся на московских баррикадах.

Отгремели октябрьские бои. Фрунзе энергично принялся за укрепление советской власти в Шуе. Здесь, как и во всей стране, возникали большие трудности в связи с ухудшением хозяйственного положения. Разруха, порожденная войной, ширилась и углублялась. Одна за другой закрывались фабрики. Ряды безработных множились. Рабочие семьи еле выживали на голодном пайке. Используя эти затруднения, враги советской власти повели контрреволюционную агитацию, требовали роспуска Красной гвардии и отмены хлебной монополии,

ратовали за свободную торговлю.

Фрунзе повел решительную борьбу против контрреволюционеров, беспощадно расправлялся с ними. Одновременно он уделял большое внимание социалистическому строительству, претворяя в жизнь решения партии. Чтобы упрочить советскую власть, необходимо было в корне подорвать экономическую мощь буржуазии и организовать новую, советскую промышленность. С этой целью партия и Советское правительство приняли решение о национализации банков, железных дорог, тортового флота, внешней торговли и всей крупной промышленности. Выполняя эту директиву, Фрунзе провел национализацию местной промышленности и стал налаживать производство на новых, социалистических началах.

В декабре 1917 пода Фрунзе был назначен правительственным комиссаром текстильной промышленности. Вскоре он убедился, что интересы текстильной промышленности требуют выделения текстильного района в особую административную единицу. По предложению Фрунзе, была организована Иваново-Вознесенская губерния в составе отдельных уездов Владимирской и Костромской губерний. Первым председателем Иваново-Вознесенского губисполкома избрали Фрунзе.

Много сил он отдал тогда советскому и хозяйственному строительству. Огромный организаторский талант проявился и на этой «мирной» работе. Но Михаил Васильевич понимал, что право на мирный труд надо завоевать, что у советской власти еще много и внешних и внутренних врагов, что с ними надо вести ожесточенную вооруженную борьбу.

Особенно опасным врагом была империалистическая Германия, которая в то время продолжала войну против Советской России. Желая покончить с войной и тем самым дать советскому народу возможность перейти к мирному строительству, партия развернула борьбу за мир с первых же дней победы Октябрьской революции.

Советское правительство предложило «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире». Однако «союзники» — Англия и Франция — отказались принять предложение Советского правительства. Ввиду отказа Франции и Англии от переговоров о мире, Советское правительство, выполняя волю Советов, решило приступить к переговорам с Германией и Австрией.

Переговоры начались 3 декабря в Брест-Литовске. 5 декабря было подписано соглашение о перемирии, о временном

прекращении военных действий.[9].

Советская мирная делегация получила твердую директиву заключить мир, так как продолжать войну в обстановке полной разрухи народного хозяйства и развала фронта было невозможно. Это угрожало самому существованию молодой, еще не окрепшей Советской республики. Необходимо было пойти даже на тяжелые условия мира, чтобы получить передышку и создать новую, Красную Армию, способную защищать социалистическую Родину от всех ее врагов. Такова была позиция большевистской партии, позиция Ленина и Сталина.

Против этой единственно правильной позиции повели ожесточенную борьбу Троцкий и группа других изменников во главе с Бухариным, назвавших себя для маскировки «левыми коммунистами». «Левые коммунисты» требовали продолжения войны, желая спровоцировать наступление немцев и тем самым поставить нашу страну под смертельный удар.

Такую провокационно-предательскую политику практически проводил Троцкий, возглявлявший советскую мирную делегацию в Брест-Литовске. Воспользовавшись этим, германское правительство 10 февраля прервало мирные переговоры, и немецкие армии возобновили наступление.

Создалась смертельная опасность для Советской России. По декрету Советского правительства, подписанному В. И. Лениным, с 28 января 1918 года приступили к формированию Красной Армии. Но первые, малочисленные отряды молодой, еще не окрепшей армии, героически отражая натиск германских полчищ, все же пока не могли разгромить захватчиков и выбросить их за пределы Советской земли.

Ввиду этого 23 февраля пришлось подписать мирный договор с Германией на весьма тяжелых условиях. «Предательство Троцкого и Бухарина дорого обошлось Советской республике. Латвия, Эстония, не говоря уже о Польше отходили к Германии, Украина отделялась от Советской республики и превращалась в вассальное (зависимое) немецкое государство. Советская республика обязалась платить немцам контрибуцию»[10].

Но и после подписания мирного договора империалистическая Германия продолжала враждебную политику в отношении Советской России. «Наглость германских победителей не знает границ, — писал Фрунзе в апреле 1918 года в Иваново-Вознесенской газете „Рабочий край“. — Заняв без труда, благодаря подло-преступному поведению Украинской Рады, всю Украину, германские войска вторгаются на территорию, ничего общего с Украиной не имеющую. Ими занята уже почти половина Курской губернии, треть Воронежской, не

сегодня — завтра падет Симферополь и Севастополь, и та же участь ожидает Курск, Брянск, Таганрог, Ростов. Все туже и туже затягивается петля на шее русской революции, ибо нас отрезают от угля, железа, хлеба и сахара, лишают самой возможности дышать… Не пора ли встряхнуться и взяться за дело?.. Если народ хочет жить, хочет улучшить свой быт, он должен заставить уважать себя. А для этого нужна вооруженная сила… И этому делу, делу создания армии должны отдать свои мысли, силы и опыт все, кто действительно является гражданином страны, каждый, кто болеет муками революции, кому дороги успехи ее»[11].

Тогда же в соответствии с общей политикой партии и Советского правительства Фрунзе призывал к борьбе к с другим опасным врагом — империалистической Японией: «Российской революции угрожает новая опасность, идущая на этот раз с востока. Во Владивостоке высажен вооруженный японский десант, что является прямым вызовом Советской России… Что же делать?

Выход только один — немедленная и энергичнейшая деятельность по организации наших вооруженных сил. До тех пор пока Советская Россия их не создаст, она будет легкой и лакомой добычей всякого хищника. Надо понять, что от этой опасности нас не спасут никакие мирные договоры, никакая уступчивость и миролюбие. Мы должны быть сильны, чтобы с нами считались»[12].

Вооруженные силы были необходимы для защиты молодой Советской республики и от ее внутренних врагов. В этом не раз пришлось убедиться самому Фрунзе. Так, в июле 1918 года «левые» эсеры подняли в Москве мятеж против советской власти. Троцкий, тайно участвовавший в контрреволюционном заговоре, предательски срывал организацию отпора, сознательно тормозил вызов надежных войск. А между тем мятежники захватили здание центрального телеграфа и оттуда рассылали по всей России лживые телеграммы. Надо было немедля выбить мятежников с телеграфа.

В это время Фрунзе находился в Москве. Ему предложили принять участие в подавлении мятежа. Без колебания Фрунзе взялся за это. На броневике он подъехал к зданию телеграфа и помог разгромить заговорщиков. Затем он направился в район Покровских казарм, где помещался штаб «левых» эсеров и где сидел захваченный ими Дзержинский вместе с другими ответственными работниками Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК). Фрунзе вызвался проникнуть внутрь расположения неприятеля с целью разведки и поимки «языка».

Его пытались отговорить от этой опасной операции, так как

все прилегавшие улицы находились под обстрелом эсеровских пулеметов. Но Фрунзе бесстрашно отправился в разведку, взяв с собою четырех венгерцев из интернационального отряда. Через полчаса они благополучно возвратились, приведя с собою четырех солдат из мятежной части. Допрос захваченных «языков» и данные, добытые Фрунзе во время разведки, помогли разгрому мятежников в этом районе.

Вскоре вспыхнул второй крупный мятеж — на этот раз в Ярославле при участии и под руководством главы английской миссии в Москве Локкарта. Мятеж приурочивался к моменту высадки англо-французских интервентов на севере России. Контрреволюционное восстание угрожало охватить многие другие города. Необходимо было срочно разгромить его в самом зародыше. И в этом опять активное участие принял Фрунзе: он срочно снарядил и отправил в Ярославль сильный вооруженный отряд.

После подавления ярославского мятежа 13 августа 1918 года Фрунзе был назначен военным комиссаром Ярославского округа (штаб округа в это время был переведен в Иваново-Вознесенск), и с того дня до самой смерти Михаил Васильевич целиком посвятил себя строительству могучей армии Советского государства, вооруженной борьбе с врагами нашей Родины. В этом он нашел свое настоящее призвание и проявил способности замечательного полководца ленинско-сталинской эпохи.

Тем временем контрреволюционно-мятежная работа врагов внутри страны принимала все более серьезные размеры. Империалисты Антанты решили начать интервенцию. У белогвардейцев и интервентов была общая цель. Они стремились добиться свержения советской власти.

Клич большевистской партии и Советского правительства: «Социалистическое отечество в опасности!» — глубоко взволновал и всколыхнул советских людей. Дружно стали они готовиться к отечественной войне. Рабочие и крестьянские массы вставали под ружье и заполняли ряды Красной Армии. Надо было их срочно одеть и обучить.

Большая ответственная работа выпала на долю Фрунзе, когда он был назначен военным комиссаром Ярославского округа. По этому округу надо было быстро сформировать несколько боеспособных дивизий. Эту трудную задачу Фрунзе с честью выполнил. День и ночь он без устали работал, вникая в подробности военной мобилизации. Под его руководством проводилось всеобщее военное обучение. Фронт требовал срочных пополнений. И вот туда, на фронт, Фрунзе из всех районов своего округа направлял боевые отряды обученных

красноармейцев.

В его рабочем кабинете дверь беспрерывно открывалась, впуская одного посетителя за другим. Фрунзе, в кожаной потертой куртке, с глазами, утомленными от бессонных ночей, обросший бородой, отпущенной за недосугом бриться, внимательно выслушивал посетителей, подчиненных и затем отдавал распоряжения, четкие и ясные. Подчиненные выслушивали приказы и, хотя трудно было порой выполнить их, все же уходили из кабинета с твердым решением работать так, как работал Фрунзе — упорно, преодолевая все трудности, добиваясь полного успеха.

Занятый текущими делами по своему округу, Фрунзе все же находил время для ознакомления с общей военной обстановкой в республике. Он усиленно изучал военную литературу, стремясь расширить и углубить свои военно-теоретические познания, овладеть основами военного искусства. Большая осведомленность в военных вопросах и практический опыт в сочетании с блестящими организаторскими способностями — все это вскоре создало ему репутацию крупного талантливого военного работника.

«Чудом может казаться, — вспоминал о нем впоследствии К Е. Ворошилов, — что вчерашний каторжанин, затравленный беглец и ссыльнопоселенец становится… образцовым военным организатором в должности ярославского окружного комиссара»[13].

Однако работа в тылу не вполне удовлетворяла самого Фрунзе. Ему хотелось принять непосредственное участие в боях с врагами Советской республики на фронтах гражданской войны.

VII. Разгром Колчака

Это желание Фрунзе вскоре исполнилось. Партия и Советское правительство высоко оценили его выдающиеся военно-организаторские способности. В декабре 1918 года он был назначен командующим Четвертой армией Восточного фронта.

Четвертая армия сражалась на южном участке Восточного фронта против Колчака. В этот период Колчак был самым опасным врагом Советского государства. Колчаку всеми средствами помогали империалисты крупнейших государств Европы и Америки. Он был их ставленником.

Колчак совершил переворот в Омске при содействии англичан и французов и объявил себя «верховным правителем» России в ноябре 1918 года. «Мы вызвали это правительство к жизни», — заявил в июне 1919 года в своем выступлении в английском парламенте Черчилль, злейший враг Советской России, организатор интервенции, занимавший в то время пост военного министра Англии. А позже, в своих воспоминаниях, тот же Черчилль признал, что армии Колчака из одних только британских источников получили сто тысяч ружей и что большинство солдат было одето в мундиры британской армии.

Большую помощь Колчаку оказывали также империалисты США и Японии. Вдоль Сибирской железнодорожной магистрали под предлогом «охраны» стояли войска английские, французские, американские, японские, чехословацкие, итальянские.

В сущности, как указывал В. И. Ленин, вся мировая буржуазия так или иначе помогала Колчаку. «Все, что могло бы парализовать революцию, все пришло на помощь Колчаку»[14].

В плане похода Антанты на Советскую республику в начале 1919 года Колчаку отводилась главная роль. Восточный фронт Красной Армии был тогда главным фронтом.

В конце декабря 1918 года, когда Фрунзе получил назначение на южный участок Восточного фронта, Колчак на севере, нанеся поражение Третьей армии, захватил Пермь и стремился продвинуться дальше на Глазов и Вятку для соединения с войсками белых и интервентов, наступавшими от Архангельска на Вологду и Котлас. Создалось катастрофическое положение. Оно угрожало всему Восточному фронту.

Ввиду этого Центральный Комитет партии, по предложению В. И. Ленина, командировал И. В. Сталина и Ф. Э. Дзержинского для расследования причин сдачи Перми и поражений на фронте, а также для принятия мер к восстановлению партийной и советской работы в прифронтовом тылу. Расследованием было

установлено, что поражение Третьей армии явилось следствием вредительства руководителей армии — ставленников Троцкого, ничего не сделавшего для ее укрепления, несмотря на прямые директивы В. И. Ленина от имени Совета Обороны.

Установив причины катастрофы, И. В. Сталин и Ф. Э. Дзержинский лично руководили исполнением намеченных ими мероприятий, в результате чего советская и партийная работа в ближайшем тылу армии была восстановлена, на фронте был создан перелом. Третья армия перешла в контрнаступление.

И. В. Сталин в своем отчете ЦК партии и В. И. Ленину о причинах падения Перми выдвинул ряд важнейших мероприятий для всей Красной Армии. «Необходимо, — писал он в выводах этого отчета, — установить на фронтах, прежде всего на Восточном фронте, режим строгой централизации действий отдельных армий вокруг осуществления определённой, серьёзно обдуманной стратегической директивы»[15]. В этих выводах И. В. Сталин также подчеркнул необходимость «ввести в практику систему постоянных резервов, без коих немыслимы ни сохранение наличных позиций, ни развитие успехов»[16].

Выводы отчета И. В. Сталина и Ф. Э. Дзержинского сыграли в то время и в дальнейшем огромную роль в перестройке и улучшении работы Красной Армии на Восточном фронте. Ими руководствовался и Фрунзе.

31 января 1919 года Михаил Васильевич приехал в Самару, где был штаб Четвертой армии. Здесь он встретился с председателем Самарского губисполкома Валерианом Владимировичем Куйбышевым, который одновременно являлся и членом Реввоенсовета Четвертой армии.

Куйбышев подробно ознакомил Фрунзе с весьма тяжелым положением в Четвертой армии в районе ее действий. Углубившаяся разруха все более подрывала народное хозяйство. В деревнях усиливался кулацкий саботаж. Под влиянием контрреволюционной агитации участились вспышки крестьянских восстаний. Неблагополучно было и в частях Четвертой армии. Их боеспособность ослабла. Дисциплину нарушали не только рядовые, но и командиры. Наблюдались случаи антисоветских выступлений, которые иногда переходили в открытые мятежи. Так, незадолго перед приездом Фрунзе в Самару восстали два полка. Выехавшие туда на усмирение руководящие работники из Реввоенсовета Четвертой армии почти все погибли от руки мятежников. В частности, погиб член Реввоенсовета Линдов.

При таком состоянии войск Четвертой армии положение на ее фронте было непрочным. Несмотря на некоторые успехи Четвертой армии к моменту приезда Фрунзе (освобождение

Уральска), закрепить и развить эти успехи с такой армией было невозможно. К тому же ее фронт оказался очень растянутым и во многих местах открытым для вражеских прорывов.

Ознакомившись с этим, Фрунзе после беседы с Куйбышевым в тот же день издал приказ-обращение к войскам Четвертой армии, в котором писал:

«Товарищи! Глаза тыла, глаза рабочих и крестьян всей России прикованы к вам. С замиранием сердца, с трепетом в душе следит страна за вашими успехами. Не для захватов чужих земель, не для ограблений иноземных народов послала вас, своих детей, трудовая Русь под ружье.

Здесь, на фронте, решается сама судьба рабоче-крестьянской России; решается окончательно спор между трудом и капиталом. Разбитые внутри страны помещики и капиталисты еще держатся на окраинах, опираясь на помощь иностранных разбойников. Обманом и насилием, продажей родины иностранцам, предательством всех интересов народа — они все еще мечтают задушить Советскую Россию и вернуть господство помещичьего кнута»[17].

Чтобы непосредственно ознакомиться с частями своей армии, Фрунзе выехал на фронт. Послужной список Фрунзе за годы гражданской войны пестрит пометками о частых выездах на передовые позиции. Он не засиживался в штабных кабинетах, лично объезжал войска и там, на месте, выявляя недочеты, принимал меры к их устранению. Михаил Васильевич искал личного общения с красноармейцами, желая узнать от них об их нуждах, настроениях, чаяниях.

Первый его выезд был в Уральск, гарнизон которого в то время состоял из весьма ненадежных частей, зараженных духом «партизанщины». Штабные пытались отговорить Фрунзе от этой рискованной поездки, предупреждали его, что там, в Уральске, с ним могут так же расправиться, как и с Линдовым. Но, несмотря на предупреждения, Фрунзе выехал, даже без охраны.

Действительно, в Уральске его встретили враждебно. Готовилась кровавая расправа над ним. Но Михаил Васильевич сумел быстро переломить настроение в людях, внушить им доверие к себе, доказал им их заблуждение, разъяснил их революционный долг перед Родиной, перед Красной Армией. Давняя близость к трудовым массам, глубокое понимание их кровных интересов, умение завоевать их доверие, заражать революционно-боевым духом — все это очень пригодилось теперь Фрунзе. Большевик-массовик сказался и на посту командующего.

Фрунзе умел расположить к себе и военных специалистов из старой царской армии, помогал им изживать их прежние

заблуждения, предрассудки и искренно, честно служить Красной Армии, советской власти. Большое впечатление производил на военных специалистов полководческий талант Фрунзе, его необычайная осведомленность в военных вопросах, его превосходство даже над ними, несмотря на то, что он не получил, как они, военного образования.

Удивляла всех и присущая Фрунзе способность подбирать нужных, способных людей и расставлять их на решающих участках. Так, Михаил Васильевич сразу оценил Чапаева и после первого же знакомства с ним назначил его командиром ударной Александрово-Гайской группой советских войск. Их имена — прославленного пролетарского полководца и легендарного народного героя — неразрывно, навсегда спаяны многими подвигами и победами на фронтах гражданской войны. Фрунзе умел выдвигать и таких талантливых политических комиссаров, как Фурманов, которые много способствовали воспитанию красноармейских масс, повышению их боеспособности.

Во всей этой большой подготовительной работе Михаилу Васильевичу деятельно помогал его друг и соратник Валериан Владимирович Куйбышев — член Реввоенсовета Четвертой армии. Сплачивая людей своей армии, воспитывая их в духе революционного долга перед Родиной, Фрунзе и Куйбышев неутомимо, не щадя своих сил, ковали грозное оружие против врага. И скоро это оружие показало свою силу.

10 марта 1919 года чапаевские войска овладели важным пунктом Сломихинской, а затем с бою был взят и Лбищенек. Таким образом, Четвертая армия не только сдерживала натиск неприятеля, но и сама в отдельных направлениях успешно наступала.

Уже в этих операциях Четвертой армии проявились характерные особенности полководческого таланта Фрунзе. В боях за Сломихинскую и Лбищенек Фрунзе последовательно проводил тактику не пассивной обороны, а активного, энергичного наступления. При этом основной целью наступательных операций Фрунзе считал уничтожение живой силы противника. Фрунзе применял сочетание фронтальных и фланговых ударов по врагу, прием, весьма характерный и для всей его последующей боевой практики. Также показательно для Фрунзе-командарма его постоянное стремление обеспечить задуманные операции необходимыми резервами.

Благодаря полководческому таланту и энергии Фрунзе, его войска успешно громили врага. Но эти успехи Четвертой армии были лишь частными успехами на Восточном фронте. В основном же перевес был на стороне Колчака.

В начале марта 1919 года Колчак повел генеральное наступление в направлении Средней Волги. С этой целью была сформирована ударная армия генерала Ханжина, численно более чем в три раза превосходившая Пятую армию, против которой она и повела успешное наступление. Белогвардейские полчища двигались к Симбирску и Самаре. Удар был нацелен на Москву.

Одновременно с этим и в других районах Советской России белогвардейцы при поддержке иностранных захватчиков также готовились к наступлению. Юденич собирал силы протай Красного Петрограда. Деникин решительно добивался соединения с Колчаком в районе Саратова. Враги Советской республики хотели задушить ее в своих тисках.

В этот критический момент, в марте 1919 года, Фрунзе был назначен командующим Южной группой армий Восточного фронта. Сначала эта группа состояла из двух армий — Четвертой и Туркестанской, а затем, в апреле, в нее дополнительно включили Первую и Пятую армии. Положение в Южной группе было тяжелое. В тылу Четвертой армии разгорались кулацко-эсеровские мятежи. Первая и Пятая армии под натиском колчаковцев отступали, порою беспорядочно. Туркестанскую армию по существу приходилось заново формировать в боевой обстановке. Надо было быстро, на ходу, под непрекращающимися ударами врага, произвести коренную перестройку войсковых соединений, поднять в них боевой дух, превратить их в боеспособные части, укрепить их волю к борьбе и победе и одновременно подавлять контрреволюционные восстания в тылу Красной Армии.

Под руководством Фрунзе и его ближайшего соратника Куйбышева, назначенного членом Реввоенсовета Южной группы, закипела работа. Проводится широкая мобилизация для пополнения частей и для создания резервов. В наиболее уставшие полки вливаются свежие роты из рабочих и коммунистов. Из тыла на фронт непрерывным потоком направляется вооружение — орудия, пулеметы, винтовки, снаряды, патроны. Делаются большие запасы продовольствия. Производится смелая перегруппировка по всему фронту Южной группы. Среди населения и красноармейских масс усиливается агитация, разъясняющая замыслы контрреволюционных мятежников.

На основе директивных указаний ЦК партии и В, И. Ленина Фрунзе подготовил детальный план контрнаступления. В это время части Южной группы на участке между Оренбургом, Самарой и Симбирском образовали выступ в сторону противника, угрожая главным силам Колчака, наступавшим на Самару. В свою очередь, намечавшийся прорыв белых к Волге мог поставить под

угрозу полного разгрома всю Южную группу. Учитывая это, Фрунзе пришел к убеждению, что остановить наступление Колчака и отвести угрозу можно лишь посредством сильного удара.

Фрунзе решил обеспечить превосходство советских войск на важнейшем направлении за счет второстепенных. Для этого, по замыслу Фрунзе, необходимо было путем умелой перегруппировки создать мощный кулак в районе Бузулука и отсюда нанести фланговый удар по тылам белогвардейской армии генерала Ханжина, наступавшей от Бугуруслана на Самару.

Продуманный план Фрунзе встретил, однако, сопротивление Троцкого и его приспешников из штаба Главкома, настаивавших на отводе Красной Армии за Волгу якобы для того, чтобы, задержав противника на этом водном рубеже, часть войск перебросить с Восточного на Южный фронт.

Много усилий пришлось Фрунзе затратить, чтобы доказать несостоятельность и преступность этого плана. Ленин и ЦК партии отвергли его. Коварный замысел Троцкого был сорван. Фрунзе приступил к осуществлению своего плана.

10 апреля Фрунзе и Куйбышев разослали по армиям приказ, призывавший красноармейцев «на решительный бой с наемником капитала — Колчаком». А через день были опубликованы составленные Лениным «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», сыгравшие решающую роль в организации разгрома колчаковщины. Ленин и ЦК партии указали на то, что «победы Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака»[18]. Центральный Комитет партии призвал весь советский народ оказать максимальную помощь Восточному фронту.

В глубоком тылу была проведена мобилизация в Красную Армию. В прифронтовой полосе были вооружены поголовно все члены профсоюзов. Повсюду организовывались комитеты содействия мобилизованным. Усиливалась работа по снабжению армии продовольствием. Все эти мероприятия способствовали коренному перелому на фронте Южной группы и обеспечивали успех подготовлявшегося контрудара по Колчаку.

Уверенность в успехе контрнаступления еще более укрепилась после того, как 18 апреля разведчики из 25-й дивизии Чапаева перехватили два приказа колчаковского командования. Из этих приказов стало известно, что между двумя колчаковскими корпусами не было связи, что между ними был большой разрыв по фронту. С целью окончательного разобщения корпусов противника и разгрома их по частям Фрунзе и решил бросить

ударные соединения.

Общее наступление было назначено на 28 апреля. Однако бои завязались раньше, причем сразу же определился успех советских войск. У белых были захвачены тысячи пленных, отбиты большие обозы. И что особенно важно, наступление колчаковцев на многих участках, наконец, было приостановлено. Это позволило войскам Южной группы 28 апреля успешно развернуть контрнаступление на широком фронте в 240 километров.

Контрудар по Колчаку развивался по этапам. Он слагался из трех боевых операций — Бугурусланской, Белебеевской и Уфимской. Наступление сопровождалось ожесточенными боями, в результате которых советские войска одержали много крупных побед и отбросили колчаковцев на 120–150 километров к востоку, освободив значительную территорию и много городов, в том числе Бугуруслан — 4 мая и Бугульму — 13 мая. С этого времени колчаковцы, утратив инициативу, вынуждены были перейти к обороне, в то время как советские войска с каждым днем наращивали силу и стремительность контрнаступления. В красноармейских частях явно обозначился боевой подъем. В колчаковских же войсках, наоборот, усиливались разложение и распад.

17 мая, после освобождения Красной Армией Белебея, разбитый враг в беспорядке стал отступать к реке Белой, на Уфу. А вслед за колчаковцами с победными боями двигались армии Южной группы.

Но эти победы давались Фрунзе нелегко. Приходилось опять не только преодолевать ожесточенное сопротивление колчаковских полчищ, но и вести не менее упорную борьбу с троцкистами, захватившими руководящие посты в штабе Главкома и в штабе Восточного фронта. 18 мая, в самый разгар победоносного наступления, командование Восточного фронта отдало приказ приостановить дальнейшее продвижение. Вновь всплыл предательский «план» Троцкого.

Фрунзе забил тревогу. «Вы знаете, — говорил он 18 мая командующему фронтом, — какую атаку приходится выдерживать мне, и совершенно незаслуженно, со стороны Троцкого… Ряд телеграмм Троцкого только нервирует и лишает возможности спокойно и основательно подготовить и провести операцию»[19].

Опять потребовалось вмешательство ЦК партии и лично В. И. Ленина. Вспоминая об этом, товарищ Сталин впоследствии, 19 ноября 1924 года, в своей речи на пленуме фракции ВЦСПС говорил:

«Вы знаете, что основными врагами Советской республики считались Колчак и Деникин. Вы знаете, что наша страна

вздохнула свободно лишь после победы над этими врагами. И вот, история говорит, что обоих этих врагов, т. е. и Колчака и Деникина добили наши войска **вопреки** планам Троцкого. Судите сами:

1) **О Колчаке.** Дело происходит летом 1919 г. Наши войска наступают на Колчака и орудуют под Уфой. Заседание ЦК. Троцкий предлагает задержать наступление по линии реки Белой (под Уфой), оставив Урал в руках Колчака, снять часть войска с Востфронта и перебросить их на Южный фронт. Происходят жаркие прения. ЦК не соглашается с Троцким, находя, что нельзя оставлять в руках Колчака Урал с его заводами, с его железнодорожной сетью, где он легко может оправиться, собрать кулак и вновь очутиться у Волги, — нужно сначала прогнать Колчака за Уральский хребет, в сибирские степи, и только после этого заняться переброской сил на юг. ЦК отклоняет план Троцкого. Последний подает в отставку. ЦК не принимает отставки…

С этого момента Троцкий отходит от прямого участия в делах Востфронта»[20].

Началась Уфимская операция — решающий этап контрнаступления. В приказе от 23 мая 1919 года. Фрунзе четко поставил перед своими войсками боевую задачу:

«Наш первый этап — Уфа; последний — Сибирь, освобожденная от Колчака. Смело вперед!»

Эта задача была весьма трудная. Взрывая за собой переправы, белогвардейцы укрылись от погони за рекой Белой — крупным водным рубежом. В это время после половодья река еще не вошла в свои берега и широко разлилась. Подошедшие красноармейские части остановились перед этой широкой (до 300 метров) водной преградой. А за нею, на восточном берету, враг ощетинился жерлами своих батарей, выставил вперед свои отборные офицерские полки. Предстояла трудная переправа через реку под смертоносным орудийным и ружейно-пулеметным огнем.

И на этот раз проявился полководческий талант Фрунзе. Он опять использовал маневр флангового охвата неприятельских войск. По его приказу 25-я Чапаевская дивизия должна была переправиться севернее Уфы и обойти город слева. 2-й и 24-й дивизиям Фрунзе поручил переправиться южнее Уфы и затем отрезать отход колчаковцев по Челябинской железной дороге. Частям соседних — Первой и Пятой армий приказано с севера и юга содействовать успеху этой важнейшей Уфимской операции.

Форсировав реку, красные войска 9 июня 1919 года взяли Уфу. В боях за Уфу Фрунзе принимал непосредственное участие, подвергаясь смертельной опасности. В особенно трудные

моменты он появлялся среди красноармейцев и сам поднимал их в атаку. Руководя переправой через реку Белую, Михаил Васильевич попал под обстрел противника. Взрывом авиабомбы он был тяжело контужен. За боевые заслуги и мужество, проявленные в этих боях, Фрунзе был награжден первым орденом Красного Знамени.

Врага разгромили, но еще не уничтожили. Надо было добить его окончательно, добить немедля, пока его ряды расстроены, пока явный перевес на стороне советских войск. Так мыслил Фрунзе, что видно из его приказа о проведении Уфимской операции, которую он рассматривал, как начало освобождения Урала и Сибири. Этого требовал и Ленин. Но главное командование срывало план Фрунзе. Под предлогом неудач на юге и под Петроградом оно производило массовое снятие частей с Восточного фронта.

Товарищ Сталин, руководивший в те дни обороной Петрограда и нуждавшийся в подкреплениях, тем не менее 18 июня заявил по прямому проводу Ленину о том, что «Колчак является наиболее серьёзным противником… По сравнению с Колчаком генерал Родзянко представляет муху… Поэтому *ни в коем случае* не следует брать с Востфронта такое количество войск для Петроградского фронта, которое могло бы вынудить нас приостановить наступление на Востфронте»[21].

Вредительская практика Троцкого на Восточном фронте была парализована. Именно против Троцкого направлены были слова Ленина: «Ослаблять наступление на Урал и на Сибирь значило бы быть изменником революции, изменником делу освобождения рабочих и крестьян от ига Колчака»[22].

При поддержке И. В. Сталина и ЦК партии Фрунзе смог предпринять энергичное преследование колчаковцев, отступавших за Урал, в Сибирь. А для большего успеха в этом 13 июля 1919 года Фрунзе был назначен командующим всем Восточным фронтом.

Радостно приветствовали это назначение все армии фронта. Еще более стремительно они продолжали победное наступление. Уже 25 июля был взят Челябинск. Фрунзе выполнил ленинскую директиву об освобождении Урала.

Дни Колчака были сочтены. Тщетно пытался Черчилль приободрить своего ставленника лицемерно-лживыми телеграммами. «Успех, — писал он Колчаку в октябре 1919 года, — который увенчал чрезвычайные усилия армии вашего высокопревосходительства, радует меня выше всяких слов. Несмотря на разделяющее нас расстояние, я глубоко сознаю, что это было достигнуто в столь тяжелых условиях только благодаря

вашему непоколебимому мужеству и твердости»[23].

Конечно, «несмотря на разделяющее их расстояние», Черчилль хорошо знал, что у Колчака не только нет никаких успехов, но что он накануне полной гибели. И зная это, Черчилль в то время все свои надежды возлагал на другого ставленника Антанты — Деникина.

Колчаковцы под ударами Красной Армии отступали в двух направлениях: их южная группа генерала Белова — на юго-восток, на Туркестан, а северные армии Колчака — на восток, вдоль Сибирской железной дороги.

Отступая в глубь Сибири, Колчак терпел одно поражение за другим. Чувствуя свое полное бессилие и неизбежную гибель, Колчак в начале января 1920 года сложил полномочия «верховного правителя», а через несколько дней был захвачен восставшими рабочими. По постановлению Иркутского военно-революционного комитета, 7 февраля 1920 года Колчак был расстрелян.

VIII. Освобождение Средней Азии

В августе 1919 года, по решению ЦК партии, Восточный фронт был разделен на Восточный и Туркестанский. Командующим Туркестанским фронтом назначили Фрунзе. Теперь ему подчинялись Первая, Четвертая и Одиннадцатая армии, а также войска, находившиеся в Туркестане, отрезанном от Советской России белогвардейцами. Вскоре, по представлению Фрунзе, Одиннадцатую армию передали Юго-Восточному фронту, с которым она в оперативном отношении была более тесно связана.

Первоочередной задачей армий Туркестанского фронта была полная ликвидация колчаковской группы генерала Белова, которая мешала продвижению наших войск в Туркестан, а также контрреволюционных отрядов оренбургского и уральского казачества.

Эту задачу Фрунзе выполнил блестяще и в короткий срок. В результате глубоко продуманных и мастерски проведенных маневров, советские войска зажали армию Белова в кольцо и 10 сентября 1919 года целиком взяли ее в плен. Путь в Туркестан был таким образом расчищен, и 13 сентября на станции Мугоджарской произошло соединение частей Первой армии и туркестанских войск, успешно осуществлявших встречное наступление с юго-востока от Аральского моря.

Так же успешно Фрунзе закончил боевые операции против белоказачьих отрядов. В их среде к тому времени началось разложение. Обманутые казачьи массы уже с недоверием и нарастающей враждой начали относиться к белогвардейцам. Фрунзе решил это использовать. Под влиянием умело проводимой среди казачества агитации стали наблюдаться случаи перехода целых казачьих отрядов на сторону красных. Решительные же наступательные операции советских войск завершили разгром контрреволюционного казачества. Только небольшие шайки отъявленных бандитов во главе с генералами Дутовым и Толстовым с трудом перебрались за границу, под защиту англичан.

После полного разгрома колчаковщины и белого казачества Фрунзе в феврале 1920 года выехал в Ташкент, где его ожидала трудная работа по защите и укреплению советской власти в Туркестане.

Там в то время сложилась весьма острая обстановка. В местные органы советской власти сумели пролезть случайные люди, часто проходимцы. В своей работе они допускали произвол

и насилие, оскорбляли религиозное чувство мусульманского населения. Трудовые массы вследствие этого стали с недоверием, а подчас и враждебно относиться к советской власти. Этим и воспользовались местные кулаки и духовенство. Их мятежные призывы встречали сочувствие и отклик. По аулам и кишлакам стали возникать банды басмачей, поднявшие вооруженную борьбу против Красной Армии. Положение осложнялось и тем, что в туркестанской партийной организации шла борьба двух групп — русской и местных национальных работников, причем и те и другие нередко допускали грубые извращения ленинско-сталинской национальной политики.

Все это уже было известно Михаилу Васильевичу. И об этом он много думал в пути, по дороге в Туркестан.

Вспомнилась ему статья товарища Сталина «Наши задачи на Востоке», в которой четко отмечены особенности и трудности работы в Туркестане:

«С продвижением Красной Армии на восток и открытием дороги на Туркестан перед нами встает ряд новых задач.

Население востока России не представляет ни единообразия центральных губерний, облегчившего дело социалистического строительства, ни культурной зрелости западных и южных окраин, давшей возможность быстро и безболезненно облечь Советскую власть в соответствующие национальные формы. В противоположность этим окраинам и центру России, восточные окраины: татары и башкиры, киргизы и узбеки, туркмены и таджики, наконец, целый ряд других этнографических образований (около 30 миллионов населения) представляют богатейшее разнообразие отсталых в культурном отношении народов, либо не вышедших еще из средневековья, либо недавно только вступивших в область капиталистического развития.

Это обстоятельство, несомненно, осложняет и несколько затрудняет задачи Советской власти на Востоке.

К осложнениям чисто внутреннего бытового характера прибавляются осложнения „исторического“ характера, привнесённые, так сказать, извне. Мы имеем в виду империалистическую политику царского правительства, направленную на удушение народов Востока, алчность и ненасытность русского купца, чувствовавшего себя хозяином восточных окраин и, наконец, иезуитскую политику русского попа, всеми правдами и неправдами старавшегося втащить в лоно православия мусульманские народности, — обстоятельства, создавшие у восточных народностей чувство недоверия и озлобления ко всему русскому…

Построить цитадель Советской власти на Востоке, поставить

социалистический маяк в Казани и Уфе, Самарканде и Ташкенте, освещающий путь к освобождению измученных народов Востока, — такова задача.

Мы не сомневаемся, что наши самоотверженные партийно-советские работники, вынесшие на своих плечах всю тяжесть пролетарской революции и войны с империализмом, сумеют с честью выполнить и эту, возложенную на них историей, задачу»[24].

Приехав в Ташкент, Фрунзе, совместно с неизменным своим соратником Куйбышевым — членом Реввоенсовета Туркестанского фронта, энергично принялся прежде всего за оздоровление партийной организации. Они беспощадно расправлялись с теми, кто сознательно извращал политику партии, чинил безобразия и совершал преступления, не хотел осознать своих ошибок и исправиться. Вместе с тем они терпеливо, по-товарищески, разъясняли задачи партии тем, кто ошибался невольно, вследствие слабого общественно-политического развития, кто искренно хотел исправиться и неуклонно проводить в жизнь единственно правильную большевистскую линию.

В оздоровлении и коренной перестройке нуждались и войска Туркестанского фронта. Ознакомившись с общим военно-политическим положением в Туркестане, Фрунзе 5 марта выехал из Ташкента для непосредственного обследования каждой воинской части. Он объездил все участки фронта, ознакомился с положением и 24 марта сообщил В. И. Ленину: «Личное ознакомление с состоянием воинских частей фронта, начиная от Ташкента, кончая районами Красноводска и Кушки, дало самую безотрадную картину… Настроение частей неудовлетворительное»[25].

Во время своих разъездов по войскам Фрунзе был неутомим. Он производил смотры частям, вникал во все подробности их боевой жизни, интересовался бытом, проводил массовые митинги, задушевно беседовал с бойцами, совещался с командирами. Благодаря его усилиям и заботам, обозначился явный перелом. Его армии с каждым днем и количественно усиливались, пополнялись и качественно улучшались.

Особое внимание он уделял пограничным отрядам, охранявшим советские рубежи от внешних нападений. А такие попытки интервентов наблюдались. Так, в июле 1920 года английские войска вторглись со стороны Ирана и захватили наш пограничный пункт Гаудан. Узнав об этом, Фрунзе тотчас же телеграфировал командующему Первой армии: «Предлагаю вам по получении сего принять меры к очищению нашей территории в

районе Гаудан от английских постов»[26].

Работая над повышением боеспособности своих войск, Фрунзе считал, что этого для успеха борьбы с басмачеством еще недостаточно. Надо было укрепить не только фронт, но и тыл, завоевать доверие местного населения, привлечь его на свою сторону. «Трудность не в военном преодолении врага, — разъяснял он в одном из своих приказов, — это для нас не очень трудно, — трудность в том, чтобы все многомиллионное мирное трудовое мусульманство поняло, что басмачество и есть враг его, что борьба с ним — священная задача и опора трудового народа. Выполнения этой задачи ждет от вас Социалистическое отечество.

Товарищи, я же, как ваш командующий, требую, чтобы каждым своим действием, каждым поступком как отдельные красноармейцы, так и целые части внушали населению любовь и доверие к Красной Армии… Только таким путем мы дадим понять мусульманской бедноте, что Красная Армия не враг, а опора и защитник ее»[27].

Фрунзе рассылал своих наиболее надежных агитаторов по кишлакам и аулам. Сам беседовал с дехканами, терпеливо разъяснял им сущность ленинско-сталинской национальной политики, обращался к населению с воззваниями. «Для советской власти в Туркестане, — говорил он в одном из таких воззваний, — нет и не будет русского, киргиза, дунганина, таранчинца, узбека и туркмена. Для нее есть и будут, с одной стороны, трудящиеся всех этих национальностей, те, кто потом и кровью своей создает богатства народные; с другой стороны, все те, без различия наций, кто сидит на шее трудового населения, кто грабит и свой грабеж укрепляет к оправдывает раздуванием националистических чувств.

Первым — вся помощь и опора советской власти, вторым — беспощадная борьба»[28].

В своих воззваниях Фрунзе говорил о действительных интересах трудового народа, разоблачал басмачество, призывал к непримиримой борьбе с ним: «Пора каленым железом выжечь язву басмачества. Пора железной метлой вымести из края всех грабителей и бандитов. Отныне с басмачеством, как явным бичом народа, будет вестись беспощадная борьба. Это — твердое решение Советской власти, и мне, как командующему Туркестанским фронтом, приказано выполнить его в кратчайший срок… В выполнении этой задачи я ожидаю помощи и содействия всего измученного мусульманского населения»[29].

И своим войскам и населению Фрунзе разъяснял, что басмачи являются послушным орудием в руках зарубежных врагов Советской республики, и потому особенно необходимо бороться с

басмачеством. Туркестан давно привлекал алчных английских империалистов своими богатствами, в частности хлопком. Пользуясь временной слабостью Советской России, англичане вторглись на территорию Туркестана. Их первоначальной целью, помимо захвата Туркестана, было прорваться через Среднюю Азию в Сибирь на соединение с Колчаком. В связи с поражением колчаковщины англичане, сохранив свои гарнизоны в Закаспийской области, усилили помощь басмачеству, всячески раздувая это местное контрреволюционное движение. В своих приказах и воззваниях Фрунзе не раз указывал на то, что басмачи, чувствуя свое бессилие и обреченность, «ищут ее (помощь. — **П. Б.**) за рубежом в английском, афганском и бухарском золоте и оружии. Напрасные надежды — карающий меч Красной армии рассеет эти попытки и кончит с ними раз навсегда»[30].

Действительно, басмачество вскоре было разгромлено. Влияние Фрунзе на дехканские массы постепенно стало подрывать корни басмаческого движения. В бандах началось расслоение и разложение. Многие бедняки, обманом вовлеченные в банды, стали понимать, что им с басмачами не по пути, что главари басмаческих шаек отстаивают интересы баев и духовенства. Вследствие этого бандитские отряды стали редеть и распадаться. С упорствовавшими же басмачами Фрунзе повел решительную борьбу.

В отличие от Восточного фронта, где Фрунзе пришлось вести борьбу против регулярных армий Колчака, здесь, в Туркестане, не было ни устойчивого фронта, ни организованной, регулярной армии противника. Фронт возникал повсюду, где появлялись разрозненные банды басмачей. Против них Фрунзе пришлось принимать особые меры борьбы, применять особую тактику.

Басмачи отличались большой подвижностью и неуловимостью. Хорошо вооруженные, на быстроходных конях, они обычно совершали внезапные налеты на слабые гарнизоны и беззащитные селения, убивали людей, грабили имущество и затем бесследно рассеивались при появлении более значительных советских войск. Учитывая это, Фрунзе создал частую сеть сильных гарнизонов в различных районах Туркестана и, кроме того, при каждом таком гарнизоне сформировал летучие отряды для борьбы и уничтожения банд. При такой организация гарнизон, подвергавшийся налету, мог выдержать осаду, а тем временем из соседних гарнизонов вызывались летучие отряды, которые отрезали басмачам пути отступления и совместно с осажденным гарнизоном громили и уничтожали бандитов.

Ведя борьбу с басмачами, Фрунзе также решительно подавлял мятежи, вспыхивавшие время от времени в районах под влиянием

антисоветской агитации. Так, в городе Верный взбунтовался крепостной гарнизон, подстрекаемый местным кулачьем. Мятежники осадили здание облревкома и угрожали зверской расправой с засевшими там партийцами и советскими работниками. Во главе облревкома в то время стоял Фурманов. Он установил и держал телеграфную связь с Фрунзе и Куйбышевым, получая от них указания и советы. Часто подходил Михаил Васильевич к прямому проводу, ободрял осажденных, призывая их к стойкости и обещая им скорую помощь. Осажденные до конца остались верны своему долгу и любимому командующему. Уже занесена была над ними смертельная вражеская рука. Но во-время подоспела помощь, обещанная им Фрунзе, и они были спасены, а мятежники сурово наказаны.

Были и другие, более опасные враги советской власти, против которых Фрунзе пришлось вести вооруженную борьбу. Таким врагом являлся Сеид-Алим, эмир Бухарский. Этот восточный властелин немилосердно угнетал трудовой бухарский народ, высасывал из него последние соки. В стране нарастало народное возмущение. Героический пример трудящихся России, сбросивших с себя вековое иго царизма и капитализма, заражал и вдохновлял бухарский народ на борьбу и открытое восстание против ненавистного эмира и его своры — баев и мулл. Но чувствуя свою слабость, восставшие послали к Фрунзе делегатов с просьбой поддержать народную революцию в Бухаре.

Реввоенсовет, возглавляемый Фрунзе и Куйбышевым, решил удовлетворить эту просьбу и притти на помощь восставшему народу, тем более, что эмир, подстрекаемый Англией, готовился к нападению на Советскую Россию. «Победоносное движение красных армий на Западном фронте, — писал Фрунзе в приказе от 12 августа 1920 года, — и нежелание Советской России отдать дело мира в руки капиталистов Западной Европы заставили Англию и Францию напрячь все усилия для того, чтобы застращать нас и усложнить наше положение не только непосредственно на Западном фронте, но и на туркестанских границах. Разведка показывает, что существует определенное намерение наших противников создать против нас союз Персии, Бухары и, если удастся, Афганистана, дабы затем, пользуясь еще не ликвидированным басмаческим движением в Фергане, ударить на нас по всей южной границе. Они стараются провести свой план в жизнь как можно скорее, пока народные массы этих стран еще повинуются своим правителям и правительствам»[31].

Вооруженные силы, которые Фрунзе мог выделить и послать в Бухару, были в несколько раз меньше, чем силы эмира. Однако Михаил Васильевич твердо верил в победу, так как знал, что его

войска крепки революционным сознанием, что их воодушевляют высокие цели и задачи священной, освободительной войны.

Предстоял трудный, утомительный поход по зыбучим пескам раскаленной, безводной пустыни, где повсюду сновали шайки басмачей. Много бессонных ночей провел Фрунзе за подготовкой этого похода, за составлением плана будущих боевых действий. И вот в августе 1920 года, в невыносимую шестидесятиградусную жару, двинулись красная конница, пехота, артиллерия.

Большие испытания пришлось выдержать. Нестерпимый зной расслаблял тело и волю бойцов. Мучительная жажда истощала силы. Непролазные пески сковывали движение. Но все лишения и препятствия были преодолены.

Из мертвой пустыни советские войска, наконец, спустились в цветущую долину, где ярким восточным узором показалась нарядная Бухара, столица эмира. С разных сторон подошли к ней красноармейские части, обложили ее, взяли в цепкие клещи.

Эмир со своими войсками укрылся за толстыми стенами крепости Старой Бухары. Надо было брать ее штурмом. Свинцовым дождем были встречены колонны штурмовавших. Целый день шла кровопролитная борьба.

С рассветом второго дня штурм возобновился, но также безуспешно. Лишь на третий день отважные саперы сумели взорвать крепостную стену, и в образовавшуюся брешь прорвались пехота и конница. Разгорелись уличные бои. Дом за домом, улицу за улицей приходилось очищать от озверевшей гвардии эмира. Наконец 2 сентября над крепостью взвилось красное знамя, возвестившее о полной победе. В тот же день Фрунзе послал телеграмму В. И. Ленину: «Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства»[32].

С падением эмирской Бухары весь Туркестан был очищен от контрреволюции. В Туркестане был навсегда установлен советский строй. Народы Средней Азии не только были освобождены от ненавистного гнета баев и мулл, от зверского разбоя басмачей, от порабощения англичанами-интервентами, но и впервые познали радость ленинско-сталинской дружбы народов. И во всем этом огромную роль сыграл Фрунзе. Его усилиями еще в 1920 году были заложены основы пяти советских социалистических республик — Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Казахстана и Киргизии.

В сердцах трудящихся этих республик сохраняется светлая память о Михаиле Васильевиче Фрунзе. Его имя широко известно и любимо среди народов Средней Азии. Они считали его, как и

Куйбышева, добрым посланцем великой партии, своим могучим защитником и избавителем. Они слагали песни, полные чувства благодарности:

Мы были голодны, сиры и босы.
Земля была нашей постелью, небо — одеялом,
А пищей — утренняя роса.
Мы восстали против власти эмира и баев.
Но разве толпа ягнят может сопротивляться мяснику?
И тогда, когда мы приходили к черноте отчаяния.
Нам помог наш великий отец Ленин,
Он прислал к нам своих помощников Прунзе-ака и Койбаши-ака [33].
Прунзе-ака был полководцем храбрым, как джульбарс,
А Койбаши-ака осушал наши слезы.

В другой народной песне Фрунзе воспет в образе могучего батыра (богатыря), грозного для богатых и милостивого к бедным:

Из глаз батыра струится огонь,—
Он ехал ломать судьбу,
Уздою звенел его рыжий конь
С белым пятном на лбу.
Он ехал по солончакам, по траве,
По желтым горбам песков.
За ним колыхались в густой синеве
Тысячи светлых штыков.
Он по аулам встревожил молву
Силой и смелостью льва.
«Кто это?» — спрашивал ветер траву,
«Фрунзе!» — шептала трава.
Он появился, как сон наяву,
Слава его несла.
«Откуда он?» — спрашивал ветер траву,
«Сталин его послал!»
Множились сабли его и штыки!
Весь Казахстан в пыли.
Все чабаны и все батраки
В дальний поход пошли.
Сын бедноты, он ломал судьбу
Рвал звенья цепей,
Он поднимал на большую борьбу
Всю бедноту степей.

Как голубых его глаз нам не знать?
Как не помнить лица?
Белые банды и байскую знать
Он разгромил до конца.
С другом, бывало, речь поведет —
Ласково говорит.
Слово его душисто, как мед,
Теплом, как весна, дарит.
Если же с баями вел он речь,
Он беспощаден бывал,
Слово его, будто кованый меч,
Било врагов наповал.

IX. Народный герой — победитель Врангеля

После разгрома Колчака и Деникина на советской земле оставался еще опасный враг — Врангель, собравший в Крыму остатки разбитой деникинской армии. Вначале этот последний ставленник контрреволюции и Антанты добился больших успехов. Воспользовавшись тем, что основные силы Красной Армии были втянуты в борьбу с панской Польшей, Врангель в июне 1920 года занял всю северную Таврию и стал угрожать Донбассу, Кубани и правобережной Украине. Он рассчитывал в случае дальнейшего успешного продвижения в западном направлении соединиться с польскими армиями Пилсудского и затем объединенным, сомкнутым фронтом ударить по Советской России. Над нашей Родиной вновь нависла смертельная угроза.

Борьба с Врангелем стала первоочередной задачей. «Пока Врангель цел, — говорил И. В. Сталин в беседе с сотрудником газеты „Правда“, — пока Врангель имеет возможность угрожать нашим тылам, наши фронты будут хромать на обе ноги, наши успехи на антипольском фронте не могут быть прочными. Только с ликвидацией Врангеля можно будет считать нашу победу над польскими панами обеспеченной. Поэтому партия должна начертать на своем знамени новый очередной лозунг: „Помните о Врангеле!“, „Смерть Врангелю!“»[34].

И вот в этот ответственный момент, 2 августа 1920 года, ЦК партии принял важное решение: «Ввиду успеха Врангеля и тревоги на Кубани необходимо признать врангелевский фронт имеющим огромное, вполне самостоятельное значение, выделив его как самостоятельный фронт. Поручить товарищу Сталину сформировать Реввоенсовет, целиком сосредоточить свои силы на врангелевском фронте».

В этот же день Ленин пишет Сталину: «Только что провели Политбюро разделение фронтов, чтобы вы исключительно занялись Врангелем»…[35]

Товарищ Сталин, руководивший до этого всем Юго-Западным фронтом, в том числе и врангелевским участком, до получения ленинской телеграммы уже много сделал для подготовляемого разгрома Врангеля. Он влил свежие пополнения в красноармейские части, создал много новых полков, добился значительного улучшения в их боевом оснащении, поднял воинский дух красноармейских масс. Теперь настало время решительных действий.

6 августа И. В. Сталин подписал боевой приказ, согласно которому на правом берегу Днепра, у Берислaвля, была сосредоточена мощная ударная группа, которая должна была переправиться через Днепр и стремительным ударом отрезать Врангеля от Крыма, а затем совместно с другими красными частями окружить его и уничтожить. Этот приказ под руководством товарища Сталина был выполнен лишь частично: болезнь помешала ему довести победу до конца. Задача полного разгрома Врангеля была блестяще разрешена Фрунзе, которого товарищ Сталин выдвинул на пост командующего Южным фронтом.

В сентябре 1920 пода Михаил Васильевич срочно был вызван из Туркестана в Москву Лениным. Владимир Ильич сообщил ему решение Центрального Комитета партии о назначении его командующим всеми армиями Южного фронта — Шестой, Тринадцатой и Второй конной. Позже на Южный фронт с Юго-Западного была переброшена Первая Конная армия. Кроме того, в подчинение Фрунзе передана вновь сформированная Четвертая армия.

26 сентября утром Фрунзе приехал в Харьков. Немедля он приступил к формированию штаба фронта. На следующий день Фрунзе обратился к войскам с приказом — пламенным призывом:

«…Товарищи! Вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом вашей борьбы здесь на врангелевском фронте. Наша измученная, исстрадавшаяся и изголодавшаяся, но попрежнему крепкая духом, сермяжная Русь жаждет мира, чтобы скорее взяться за лечение нанесенных войной ран, скорее дать возможность народу забыть о муках и лишениях ныне переживаемого периода борьбы. И на пути к этому миру она встречает сильнейшее препятствие в лице крымского разбойника — барона Врангеля…

…Это тот Врангель, который запродал всю Россию — все железные дороги, рудники и другие богатства — французским ростовщикам и тем купил их подлую, кровавую помощь против родной страны.

…*Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта*»[36].

Сформировав в два дня штаб и ознакомившись с положением на фронте, Фрунзе пришел к твердому убеждению, что сталинский замысел разгрома Врангеля являлся правильным и единственно целесообразным. Развивая и уточняя основную идею И. В. Сталина, Фрунзе разработал детальный план боевых действий.

Для обсуждения этого плана было созвано совещание с

участием высшего комсостава армий Южного фронта. На этом-то совещании Михаил Васильевич вторично встретился с Климентом Ефремовичем Ворошиловым — членом Реввоенсовета Первой Конной армии.

Встреча была неожиданной. Ворошилов, конечно, слышал о Фрунзе, о его победах на Восточном и Туркестанском фронтах, о его назначении командующим Южным фронтом. Но он не ожидал встретить в лице Фрунзе того «товарища Арсения», с которым он впервые познакомился и подружился четырнадцать лет назад, в апреле 1906 года на партийном съезде в Стокгольме. Фрунзе же был не менее изумлен, так как он на съезде познакомился с Ворошиловым тоже под его вымышленной, партийной кличкой «Володин», «Володя», а настоящей фамилии не знал.

В своих воспоминаниях К. Е. Ворошилов так описал эту вторую встречу в конце сентября 1920 года:

«Вагон главкома. За столом главком. Начштаба т. Лебедев и… кто это? Фрунзе? Глазам не верю. Радостная встреча — Арсений и Володя, „перекрещенные“ революцией в их собственные имена и фамилии. Пожимаем друг другу руки. Оба возбуждены, рады неожиданной встрече.

Так вот он кто Фрунзе-Михайлов, о котором так много славных, граничащих с легендами, вестей и слухов! Вот он, большевистский воспитанник иваново-вознесенских и шуйских ткачей!

На столе огромная карта, на которой видно, что враг, последний враг русской революции, с удесятеренной наглостью пытается расширить район своих действий.

Мы начинаем обсуждать стратегический план нанесения решительного и последнего удара барону Врангелю.

И вчерашний подпольщик, большевик Арсений, **с** изумительной ясностью и поражающим авторитетом истинного полководца развивает в деталях предстоящие решительные операции Красной армии.

Незначительные замечания, краткий обмен мнений — и план, оперативный план большевика Арсения-Фрунзе утвержден.

Судьба Врангеля предрешена!»[37]

План Фрунзе предусматривал прежде всего задачу — вырвать инициативу у противника. Врангелевцы же в свою очередь, желая сорвать план Фрунзе, пытались сохранять инициативу в своих руках. С этой целью они предприняли наступление в северо-восточном направлении против нашей Тринадцатой армии, но успеха не имели. Затем они сделали отчаянную попытку переправиться в нескольких местах через Днепр и внезапным ударом разгромить наши Вторую и Шестую армии. Эта попытка

также провалилась: переправившиеся через Днепр врангелевские дивизии были разгромлены и отброшены за реку с огромными потерями.

Но особенно ожесточенные бои разгорелись на левом берегу Днепра за обладание Каховским плацдармом. Туда Врангель бросил не только лучшую свою пехоту и конницу, но и танки. Это было в то время новое, диковинное, грозное оружие, еще совсем незнакомое красноармейцам. 14 октября ранним утром послышался устрашающий лязг и грохот двенадцати ползучих чудовищ-танков. Их движения прикрывала вражеская артиллерия. Танки прорвали первую линию обороны и устремились к днепровским переправам, увлекая за собой свою пехоту и кавалерию.

Тогда вступила в бой советская артиллерия. Своим метким огнем она подбила восемь танков противника и нанесла большой урон его пехотным и конным частям. Почувствовав мощную артиллерийскую поддержку, красные пехотинцы оправились от первоначальной растерянности и перешли в контратаку. Враг отступил, понеся огромный урон в боевой технике и людях.

Теперь настал благоприятный момент для нанесения смертельного удара по белогвардейским последышам, для победного осуществления боевого плана Фрунзе. По его приказу 28 октября армии Южного фронта перешли в генеральное наступление. Некоторые из этих армий вскоре добились больших успехов.

Громя противника, части Шестой армии быстро прошли ют Днепра к Крыму, ворвались на Перекопский перешеек и с утра 31 октября предприняли яростную атаку неприступного Турецкого вала. И хотя атака была отбита, все же путь через Перекопский перешеек Врангелю был отрезан. Одновременно с этим более подвижные части Первой Конной армии под командованием Буденного с боями быстро продвинулись от днепровских берегов к другому перешейку — Чонгарскому и преградили этот второй, последний путь разбитым вражеским войскам. Оставалось выполнить вторую часть плана Фрунзе — окружить и уничтожить противника, не дав ему возможности проскользнуть и укрыться в Крыму. Но это не было полностью осуществлено по вине Второй Конной, Четвертой и Тринадцатой армий, в руководстве которых, как выяснилось впоследствии, были враги советского народа.

Эти армии, преследуя отступавшего противника, должны были с севера и востока притти на помощь частям героической Первой Конной армии и совместно с ними завершить операцию по истреблению и пленению всей врангелевской армии. Вместо этого они ослабили свой напор, замедлили продвижение и тем

самым позволили противнику оторваться от них и всей массой обрушиться на буденновскую конницу. Завязался неравный кровопролитный бой. На стороне белых был огромный численный перевес, превосходство в боевой технике, в частности сильная авиация и автоброневики. Благодаря этому Врангель сумел пробить брешь и 2 ноября увести битые остатки своей армии через Чонгарский перешеек в Крым. Но это ему удалось ценой больших потерь: нашими войсками было захвачено до 20 тысяч пленных, свыше 100 орудий, много пулеметов и другого вооружения.

Перед армиями Южного фронта встала труднейшая задача — пробиться сквозь узкие и сильно укрепленные перешейки Крымского полуострова и там добить ускользнувшие корпуса Врангеля.

Укрывшись в Крыму, Врангель был уверен, что карающая рука советского народа здесь не достанет его, что между его армией и советскими войсками лежат сильно укрепленные, непроходимые твердыни Перекопского и Чонгарского перешейка. И действительно, на средства зарубежных империалистов, под руководством иностранных инженеров перешейки были опутаны густой сетью проволочных заграждений, перерезаны глубокими окопами, усеяны пулеметными гнездами и батареями тяжелой артиллерии.

Сравнительно слабее был защищен проход в Крым через длинную, узкую Арабатскую стрелку. Поэтому Фрунзе первоначально предполагал здесь осуществить свой прорыв при поддержке нашей Азовской морской флотилии, которая должна была приплыть из Таганрога и отогнать вражеские суда из района намечавшихся боев. Но когда выяснилось, что Азовская флотилия скована морозами в Таганрогской бухте и не может притти на помощь, пришлось принять другое решение — штурмовать перекопские твердыни в лоб и одновременно с этим, переправившись в брод через Сиваш (Гнилое море), овладеть Литовским полуостровом, а затем ударить во фланг и тыл перекопской группе противника.

Переправу через Сиваш Фрунзе назначил в ночь с 7 на 8 ноября. По метеорологическим показаниям было установлено, что в эту ночь ветры, дующие с запада, должны были отогнать воды с Сиваша к Азовскому морю. Предполагали, что вследствие этого Сиваш настолько обмелеет, что станет проходимым. Так и случилось. Уже накануне боя Гнилое море превратилось в огромную низину с ямами, наполненными густой соленой жижей. Были высланы саперные отряды, которые при содействии местных старожилов-крестьян отыскали броды и расставили по ним вехи.

Топкие места мостились снопами соломы. Весь день шли усиленные приготовления к весьма трудному, небывалому переходу через морской рубеж. Сам Фрунзе руководил ими, объезжал полки, вдохновлял красноармейские массы на предстоявшие подвиги.

Когда ночная тьма поглотила берега и весь Сиваш затянулся непроницаемо серой пеленой тумана, красные полки стали спускаться на обнаженное морское дно. Ноги погружались в черные холодные воды Сиваша, застревали в липкой грязи, порою проваливались в неразличимые ямы. Бойцы то растягивались длинной цепью, то в беспорядке рассыпались по необъятному простору, то, нащупав широкие проходы, выстраивались и шли цепями. Двигались осторожно, бесшумно, не желая, чтобы враг преждевременно их обнаружил.

Но вот впереди взметнулась и вспыхнула сигнальная ракета. Вражеский прожектор ярким мечом пронзил мрак и стал шарить по местам переправы. С берега затрещали пулеметы, гулко прозвучали отдельные орудийные залпы и затем все слилось в сплошном грохоте врангелевских батарей. Начали падать убитые и раненые. Но это не поколебало ряды наступавших. Перед ними уже близок был вражеский берег, они вскоре под своими ногами почувствовали твердую почву Литовского полуострова. Отсюда, продвигаясь вперед, красные полки должны были повернуться к Перекопу и ударить в тыл грозному Турецкому валу в то время, как другие части будут штурмовать его с Перекопского перешейка.

Всю ночь не смыкал глаз командующий, находясь в Строгановке — маленькой рыбацкой деревушке на берегу Сиваша. Время от времени Фрунзе выходил из хаты на берег, пристально всматривался в ночную тьму, сторожко прислушивался к отдаленным звукам разгоравшегося боя, желая разгадать происходившее, затем снова возвращался в штабную комнату и вдумчиво выслушивал телеграфные донесения.

Сначала приходили радостные вести о первых успехах переправившихся частей, об их значительном продвижении. Но вот с того берега телеграф донес, что Врангель подтянул и бросил на Литовский полуостров лучшую свою конницу и под ее напором красные части вынуждены отходить обратно к Сивашу. А там, сзади, неожиданно начался прилив, броды исчезли под водой, и путь через Сиваш вот-вот будет отрезан. По телеграфным проводам доносились настойчивые просьбы о подкреплениях. И им в ответ по тем же проводам несся твердый, властный приказ командующего удержаться во что бы то ни стало. И тут же по другим проводам Фрунзе приказал войскам, штурмовавшим

Турецкий вал с севера, с Перекопского перешейка, усилить атаки и прорвать вражескую оборону.

Красные войска дважды безуспешно штурмовали белогвардейскую твердыню. Уже много полегло в ожесточенных атаках. Но приказ командующим отдан, и надо его выполнять.

Путь героическим войскам преграждал грозный вал высотой в двадцать метров. Перед ним — ров глубиной в пятнадцать метров и шириной в сорок метров. Спуск в ров и подъем на вал почти отвесные. Весь вал опутан колючей проволокой в несколько рядов, покрыт пулеметными гнездами. За ними — артиллерия. А перед валом расстилалась открытая, не защищенная ничем ровная степь, каждый клочок которой был заранее пристрелян врагом, где атакующие цепи красноармейцев попадали под губительный огонь.

Но приказ командующего дошел до сердца каждого бойца, и они с еще большей яростью бросились вновь в атаку, на штурм. Вот многие из них добежали до рва, бесстрашно скатились вниз и затем со дна начали один за другим взбираться по отвесной круче вверх. Вот они у проволочных заграждений, рвут колючку, прорываются через нее. Уже громче и шире раздается их победное «ура».

На рассвете 9 ноября, в 3 часа 30 минут, Фрунзе услышал долгожданное донесение о том, что Турецкий вал взят и наши войска неудержимо продвигаются вперед.

Эта победа предрешила борьбу за весь Крым. 11 ноября были прорваны сильные Юшуньские укрепления, 12 ноября взят с боя Джанкой, 14 ноября Красное знамя развевалось над столицей Крыма — Симферополем, 15 ноября наши войска вступили в Севастополь, а 16 ноября был захвачен последний опорный пункт врангелевцев — Керчь.

В этот же день Фрунзе телеграфировал Ленину: «Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован»[38].

Так закончился третий поход Антанты на Советскую Россию. Жалкие остатки разбитых белогвардейских дивизий были сброшены в Черное море. Крым стал снова советским. А героическая Красная Армия покрыла свои победные знамена неувядаемой славой.

И эту славу вместе с армией заслуженно разделил Фрунзе, ее командующий. Замечательный полководец ленинско-сталинской эпохи показал свое превосходство над лучшими генералами царской России. За исключительные заслуги в борьбе с Врангелем и за освобождение Крыма Фрунзе был награжден почетным революционным оружием — шашкой с надписью: «Народному герою».

X. На страже Советской Украины

После ликвидации врангелевщины вооруженная борьба все же не прекратилась совсем. Правда, основные силы внутренней контрреволюции и внешней интервенции были раздавлены и развеяны. Но оставались мелкие хищники, подстрекаемые и поддерживаемые зарубежными врагами советской власти.

Особенно рыскали эти хищники по степям Советской Украины. Она своими природными богатствами привлекала не только их алчные взоры, но и тех, кто их натравливал. Зарубежные капиталисты продолжали мечтать о захвате богатой Украины, о превращении ее в свою колонию. По их указке разбойничьи банды Махно, Тютюника, Зеленого и других пытались нарушить мирную жизнь Советской Украины, подорвать ее мощь, расшатать и ослабить советский строй с тем, чтобы потом было легче покорить украинский народ. Бандиты совершали налеты на украинские города и села, грабили и разрушали их, зверски расправлялись с населением, особенно с людьми, преданными советской власти, поднимали кулацкие восстания. Нередко эти восстания разрастались и охватывали большие районы. Все это создало серьезную угрозу не только мирному развитию Советской Украины, но и самому ее существованию.

Учитывая это, советское правительство и партия 3 декабря 1920 года назначили Фрунзе командующим всеми вооруженными силами на Украине и поручили ему в кратчайший срок искоренить бандитизм и прежде всего махновщину.

Фрунзе немедленно приступил к выполнению очередного боевого поручения, используя свой богатый опыт борьбы с басмачеством в Туркестане. Еще до нового назначения он повел решительную борьбу с отрядами Махно, которые еще недавно, в качестве «повстанческой армии», находились в подчинении Фрунзе — командующего Южным фронтом и принимали некоторое участие в борьбе за освобождение Крыма от врангелевцев. Но уже в то время «повстанческая армия» Махно окончательно разложилась, подпав под кулацко-анархистское влияние, и преступно нарушала военную дисциплину. До Фрунзе стали доходить сведения о бандитских проступках махновцев, об их грабежах и убийствах, о кровавых столкновениях с красноармейскими частями.

23 ноября 1920 года Фрунзе издал приказ о расформировании «повстанческой армии». В ответ на это Махно открыто выступил против советской власти и встал на путь

безудержного бандитизма. Некоторое время его шайки безнаказанно бесчинствовали в Гуляй-Польском районе, Запорожской области. Но затем они были здесь окружены. Лишь ценой больших потерь им удалось в конце декабря вырваться из кольца советских войск и скрыться в просторах правобережной Украины.

Там Махно стал применять тактику неожиданных налетов, внезапно появляясь в каком-нибудь районе и так же внезапно исчезая. В этом ему помогала кулацкая часть украинского крестьянства. Вследствие этого борьба с махновщиной весьма осложнилась. Требовалось изыскать и применить особые средства и приемы борьбы.

Фрунзе нашел эти средства. Среди украинского селянства провели широкую разъяснительную кампанию о сущности махновщины, об ее враждебности интересам трудового народа, о необходимости борьбы с нею. Наряду с этим, по приказу Фрунзе, сформировали «летучий корпус», отряды которого должны были не только преследовать махновцев, но и перерезать им пути их отступления, окружать и беспощадно истреблять. Такая тактика борьбы, удачно примененная Фрунзе еще в Туркестане, полностью оправдала себя и здесь.

Скоро преследуемые по пятам, махновские банды заметались под ударами отрядов «летучего корпуса». Теснимые отовсюду, они с трудом пробирались из одного района в другой, не встречая прежней поддержки у местного населения. С каждым месяцем банды таяли, бывшая «армия» превратилась в жалкий сброд обреченных головорезов. Чувствуя неизбежность гибели, Махно с кучкой своих наиболее отпетых сторонников тайком пробрался к берегам Днестра и здесь в августе 1921 года переправился в Бессарабию, где и нашел свой последний приют под защитой румынского правительства.

Во время борьбы с махновщиной Фрунзе не только руководил, но и принимал сам непосредственное участие в боевых операциях, показывая пример личного героизма.

За личную храбрость и мужество, проявленные в период борьбы с бандитизмом, Михаил Васильевич был награжден вторым орденом Красного Знамени.

На Украине Фрунзе принимал активное участие в государственной жизни страны.

В ноябре 1921 года по поручению украинского правительства он выехал в Турцию в качестве чрезвычайного посла для заключения дружественного договора с Турцией, сбросившей с себя вековое иго султана и боровшейся в то время с империалистами-захватчиками. Задание было выполнено с

большим успехом. За короткое время Фрунзе сумел расположить к себе представителей турецкого правительства и завоевал симпатии народных масс молодой Турецкой республики.

Возвратившись из Турции, Фрунзе в качестве члена украинского правительства (а одно время он исполнял обязанности предсовнаркома УССР) много сделал для культурно-хозяйственного развития республики. Руководствуясь ленинско-сталинской национальной политикой, он всячески содействовал процветанию украинского народа, всемерно укреплял вековую дружбу братских народов — украинского и русского. Под руководством товарища Сталина Фрунзе участвовал в разработке проекта первой Конституции Советского Союза.

В соответствии с партийной директивой, Фрунзе поставил перед украинскими организациями вопрос об образовании и оформлении Советского Союза. В результате этого Украина первая обратилась с этим вопросом к другим советским республикам; «Я, товарищи, думаю, — заявил Фрунзе на VII Всеукраиноком съезде Советов в своем докладе о союзном объединении советских республик, — что выражу всеобщее наше настроение, если скажу, что рабоче-крестьянское правительство Украины, а равно и рабочий класс и крестьянство всей Украины могут гордиться тем, что по нашей инициативе, по нашей воле, по нашему почину, мы приступили к строительству нового нашего государственного советского социалистического здания.

Это мы, товарищи, постановили на сессии ВУЦИК'а обратиться с призывом к правительствам союзных с нами советских республик и предложить им поставить в порядке дня этот вопрос, считая его совершенно назревшим. И мы рады вам сообщить, что наш призыв встретил радостное отношение среди всех союзных с нами братских республик»[39].

Активно участвуя в строительстве советского государства, Фрунзе все же основное свое внимание уделял вопросам обороны. Еще в годы пребывания на Украине Михаил Васильевич провел ряд важнейших мероприятий по повышению боеспособности Красной Армии, которые по существу являлись началом военной реформы, весьма назревшей и крайне необходимой в международной обстановке того времени.

Уже тогда Фрунзе придавал огромное значение выработке воинских уставов на основе боевого опыта и передовой военной мысли.

В работе по пересмотру воинских программ и уставов деятельное участие принял сам Фрунзе. Он ознакомился с огромной военной литературой, основательно изучил уставы русской, немецкой, французской и английской армий, провел

много совещаний и бесед с молодыми и старыми военными специалистами.

Большое внимание Фрунзе уделял и подготовке боевых кадров, особенно командных. С этой целью он между прочим выдвинул предложение об учреждении военных факультетов при высших учебных заведениях. Но особенно много сил и труда он вложил в дело технического оснащения и перевооружения Красной Армии.

Эта полезная и плодотворная деятельность Фрунзе на Украине не только не встречала поддержки со стороны штаба РККА, где верховодили ставленники Троцкого, тогдашнего наркома и предреввоенсовета, но всячески тормозилась этим еще не до конца разоблаченным врагом советского народа, не желавшим проводить неотложных преобразований в Красной Армии. Однако к началу 1924 года стало очевидно, что дальнейшее пребывание Троцкого на руководящем военном посту угрожает полным развалом в армии.

Учитывая это, партия и решила перевести Фрунзе в Москву, сначала в качестве заместителя Народного Комиссара по Военным и Морским делам СССР и Председателя Реввоенсовета СССР. Затем, в январе 1925 года, после отстранения предателя Троцкого от руководства армией, Фрунзе был поставлен во главе всех вооруженных сил Советского Союза.

XI. Укрепление Красной Армии

После победного окончания гражданской войны Красная Армия переживала длительный процесс демобилизации. Троцкисты и другие оппозиционеры, проникшие в Красную Армию, разлагали ее ряды и подрывали ее боеспособность. Во многих армейских штабах и учреждениях не было ни творческой инициативы, ни должного понимания новых требований и задач, которые возникали в связи с возраставшей угрозой нападения на Советский Союз.

Между тем партия и ее вожди Ленин и Сталин требовали неустанно крепить обороноспособность Советского государства, считая это одной из важнейших задач.

Выступая в январе 1924 года на историческом заседании II съезда Советов СССР, посвященном смерти В. И. Ленина, товарищ Сталин заявил:

«Ленин не раз говорил нам, что передышка, отвоеванная нами у капиталистических государств, может оказаться кратковременной. Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной Армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии… Поклянемся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную армию, наш Красный флот»[40].

Выполняя заветы Ленина, Центральный Комитет, партии, обеспокоенный явно неудовлетворительным состоянием обороны страны, в январе 1924 года назначил специальную комиссию для обследования вооруженных сил Советского Союза.

Доклад комиссии обсуждался на двух пленумах ЦК партии — в феврале и апреле 1924 года.

По предложению И. В. Сталина, Пленум ЦК партии в своей резолюции констатировал «наличие в армии серьезных недочетов (колоссальная текучесть, полная неудовлетворительность постановки дела снабжения и пр.), угрожающих армии развалом»[41].

Ввиду этого возникла настоятельная необходимость самого срочного принятия решительных мер по устранению вскрытых недочетов и по повышению боеспособности Красной Армии. Одной из таких мер и явилось назначение М. В. Фрунзе.

Приступая к укреплению Красной Армии, Фрунзе учитывал международное положение Советского Союза, находившегося в капиталистическом окружении. Он был горячим и искренним сторонником мирной политики Советского Союза. По его убеждению, «не только общая наша линия политики, но и факты,

живые факты, которых никто из наших врагов не может опровергнуть, свидетельствуют о том, что наш курс мира мы осуществляем твердо, решительно и неуклонно и будем осуществлять его до конца.

Но в то же время никто из наших врагов не должен себя убаюкивать надеждой на то, что мы, осуществляя этот мирный курс, готовы итти на всякие уступки и унижения. Нет, наша задача, задача Союза и в первую очередь Красной армии, задача, вытекающая из теперешней обстановки, заключается в том, чтобы военную мощь Советского Союза поднять на неизмеримо большую высоту по сравнению с нынешним положением»[42].

Фрунзе разоблачал козни империалистов всего мира против Советского Союза. «Вы знаете, — говорил он в июне 1925 пода на ленинградской военно-окружной партийной конференции, — что ряд влиятельных органов английской буржуазной прессы открыто предъявляет своему правительству требования, о прямом разрыве дипломатических сношений с нами. В Северной Америке плетется хитрая сеть, рассчитанная на то, чтобы расстроить добрососедские отношения, установившиеся между Японией и Советским Союзом, Америка очень искусно старается вбить клинышек между Японией и нами. Американская пресса систематически сеет слухи о подготовке открытой борьбы между нами и Японией руками различных китайских милитаристов. Все события в Китае представляются в таком свете, чтобы раздувать большевистскую опасность и подготовлять единый фронт империалистов против Советского Союза»[43].

Учитывая эту угрозу новой интервенции, нарком Фрунзе энергично взялся за укрепление Краевой Армии.

Прежде всего был реорганизован центральный военный аппарат — наркомат. Он был очищен от троцкистских бюрократов и вредителей и значительно обновлен за счет привлечения молодых советских академиков.

Фрунзе положил начало коренной перестройке принципов построения и управления армии. Особое внимание было уделено им правильному взаимоотношению между командным и политическим составом. В Красной Армии был установлен принцип единоначалия. Политический аппарат был значительно укреплен, что имело большое значение в дальнейшем совершенствовании и воспитании кадров армии. Изменен был порядок комплектования личного состава, обеспечивший регулярное пополнение. Устанавливался срок службы в армии. Вообще Красная Армия организационно приводилась в определенную и стройную систему.

Опираясь на проверенных людей, Фрунзе разработал и

установил новые штаты красноармейских частей и соединений, новые мобилизационные планы с учетом данных о возможных противниках и о театре будущих военных столкновений. Широко была развернута работа по пересмотру воинских уставов, начатая на Украине.

Фрунзе руководил технической перестройкой вооруженных сил, которая тогда проводилась на основе перестройки всей производственной базы страны. Он сам выезжал на заводы, знакомился там с ходом производства военных материалов, беседовал с руководителями предприятий, изучал отчеты о работе различных отраслей промышленности.

Михаил Васильевич придавал большое значение научно-исследовательской работе и изобретательству в военной области. Он утверждал, что «представители науки в будущем будут играть, может быть, более важную роль, чем все мы, взятые в целом. К открытиям в области химии, механики нужно относиться, как к решающим поворотным моментам в общем ходе военных действий»[44].

Фрунзе оказывал содействие ЦАГИ (Центральному аэрогидродинамическому институту), поддерживал творческую инициативу русского изобретателя ручного пулемета Дегтярева, выявлял новых, молодых советских конструкторов-изобретателей, вдохновлял их мысль на творческие дерзания.

Михаил Васильевич считал, что, кроме техники, важны люди, боевые кадры. Он полагал, что подготовка и воспитание военных кадров должны начаться еще в школах, в учебные программы которых должно быть включено военное дело. По настоянию Фрунзе, была введена также обязательная допризывная подготовка и развернута широкая сеть специальных военно-учебных заведений.

В самой армии проводилась неустанная работа среди красноармейских масс по повышению их политической и боевой подготовки на основе новых воинских уставов, по укреплению воинской дисциплины.

От командного состава нарком требовал постоянного повышения военного образования и самообразования, усвоения и практического использования передовых военных знаний и богатого опыта минувших войн применительно к отдельной воинской части и подразделению — взводу, роте, батальону, полку. Еще работая в Харькове, Фрунзе при своем штабе организовал «Общество ревнителей военных знаний», в задачу которого входила разработка важных военных вопросов и распространение военных знаний среди комсостава.

В подготовке кадров высшего командования Фрунзе

принимал непосредственное участие, возглавляя с апреля 1924 года Военную академию РККА, которая теперь носит его почетное имя. Бывший руководитель маленьких военно-политических кружков в годы большевистского подполья теперь стал начальником высшей военной школы, подготовлявшей советских полководцев. Немало выдающихся военных деятелей вышло из стен Военной академии, которую ее начальник Фрунзе стремился превратить в подлинно-большевистскую кузницу красных командиров, в центр передовой военно-научной мысли, обогащенной великим учением Маркса — Энгельса, Ленина — Сталина о войне. И для слушателей академии, и для ее профессоров-преподавателей авторитет Фрунзе был необычайно высок. Перед ними был не только великий полководец, умудренный боевым опытом гражданской войны, но и выдающийся военный теоретик, автор многих замечательных печатных трудов по вопросам военного искусства, по самым разнообразным вопросам армейской жизни. Свою военно-государственную деятельность Фрунзе сумел сочетать с большой военно-научной работой.

Выступая 7 декабря 1924 года на торжественном заседании Военной академии РККА по случаю ее шестилетия, Михаил Васильевич выразил пожелание, «чтобы марксистский метод стал методом руководства во всех областях военно-научного знания»[45]. Методом научного марксизма всегда руководствовался сам Фрунзе в своих военно-теоретических работах. Учение Ленина и Сталина о войне было для него основой при разработке военных проблем.

Фрунзе был выдающимся советским военным теоретиком, которому советская военная наука многим обязана. После Фрунзе осталось много статей, докладов и исследований. Некоторые из них до сих пор не утратили своего научного и практического значения. В своих статьях и докладах Михаил Васильевич всесторонне освещал боевые задачи Красной Армии («Красная Армия и ее задачи», «Основные военные задачи момента»), развивал принципиальные соображения и давал практические указания по строительству вооруженных сил Советского государства («Военное строительство на Украине», «Текущие задачи военного строительства», «Итоги и перспективы военного строительства»), в частности обосновывал необходимость перехода на единственно целесообразную в то время территориально-милиционную систему построения армии («Регулярная армия и милиция»), подчеркивал решающее значение военной промышленности для обороны страны («Военная промышленность — основа нашей

обороноспособности»), настаивал на быстрейшем развитии новых видов оружия («Внимание воздушному флоту!», «К созданию Доброхима», «Даешь технику!»), говорил о характере и особенностях будущей войны («Фронт и тыл в войне будущего»).

Из специальных военно-научных исследований Фрунзе особенно важна его обстоятельная работа «Единая военная доктрина и Красная армия», где Михаил Васильевич дал глубокий анализ вопроса о влиянии политики и экономики данного государства на характер и целеустремленность его вооруженных сил, о сущности и назначении всякой армии и об отличительных особенностях Красной Армии. Не утратила своего значения и другая важная его работа — «Мировая война в итогах и цифрах», в которой он обобщил опыт первой мировой империалистической войны 1914–1918 годов. Особое место занимают его исследования «Европейские цивилизаторы и Марокко» и «К реорганизации французской армии». Они свидетельствуют о широте и разносторонности военных познаний Фрунзе и дают правильное представление о захватнической колониальной политике империалистов.

Военно-теоретические работы Фрунзе отличаются широкими обобщениями боевого опыта прошлых войн и научным предвидением характера будущих вооруженных конфликтов. В приказе от 19 июня 1921 года он писал: «Закончившаяся трехлетняя гражданская война показала воочию всю важность маневренной войны и превосходство ее над позиционной, выжидательной. Все наши успехи достигались нами преимущественно смелыми и подчас даже рискованными маневрами против различных наших противников, снабженных в сравнении с нами отличными техническими средствами… Тот характер гражданской войны, который носила наша борьба с Польшей, сохранится и в наших будущих войнах»[46].

Михаил Васильевич глубоко был убежден, что «основной преобладающий характер наших будущих операций будет маневренный». Поэтому он считал, что «Красная армия должна быть подготовлена и обучена искусству быстро и планомерно производить марш-маневры»[47].

Подчеркивая роль маневренности в будущей войне, Фрунзе наряду с этим утверждал, что «никакая наиманевреннейшая война никогда не обходится без элементов позиционности»[48]. Исходя из этого, Фрунзе считал, что «самая маневренность потребует широкого и полного знакомства с позиционными формами ведения войны»[49]. В связи с этим Фрунзе предупреждал, что «самым опасным делом для нас является рутинерство, увлечение какой-нибудь определенной схемой и

каким-нибудь определенным методом… Искусство командира проявится в умении из многообразия средств, находящихся в его распоряжении, выбрать те, которые дадут наилучшие результаты в данной обстановке и в данное время»[50].

В связи с вопросом о маневренном характере будущей войны Фрунзе придавал большое значение партизанским методам борьбы, а стало быть, и организации этой борьбы. Выступая на совещании командного и комиссарского состава войск Украины и Крыма, он говорил: «Я указывал вам здесь на маневренность и подвижной характер наших будущих операций; крупная роль будет принадлежать в этих условиях партизанским действиям, для чего надо организовать и подготовить их проведение в самом широком масштабе, а отдельные группы войск планомерно и систематически воспитывать в духе подготовки к этим действиям»[51].

Признавая маневренность основной, преобладающей формой ведения будущей войны, Фрунзе был убежден в том, что Красная Армия, как армия страны победившего социализма, в грядущих боях должна, главным образом, осуществлять наступательную тактику. «Тактика Красной армии, — писал он, — была и будет пропитана активностью в духе смелых и энергично проводимых наступательных операций»[52]. По его мнению, наступление есть лучшее средство обороны: «Сама атака, само нападение усиливают атакующую сторону и дают ей больше шансов на успех. Я утверждаю, что атака и наступление при прочих равных условиях всегда выгоднее обороны… Отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности… Если мы обратимся к имеющемуся уже в Красной армии боевому опыту, то увидим, что по существу она уже давно действует именно в этом духе. Почти все значительные операции времен гражданской войны носят следы проявления духа активности и инициативы с нашей стороны»[53].

Против этих высказываний Фрунзе выступал Троцкий, не веривший в наступательный дух Красной Армии. Полемизируя с Троцким на совещании военных делегатов XI съезда РКП(б), Фрунзе в свою очередь беспощадно разоблачал вредность рассуждений Троцкого, «прославлявшего оборону»[54].

С недоверием отнеслись к этим взглядам Фрунзе и многие из военных специалистов. Они считали наступательную тактику устаревшей, возможной лишь в суворовские времена и не применимой в условиях сильно развитой военной техники.

Но Фрунзе был убежден, что славные суворовские традиции русской армии должны проводиться еще более настойчиво в Красной Армии, что в период гражданской войны «мы

приблизились к той тактике, которую проводил Суворов»[55], и что у Суворова есть чему поучиться и в наше время.

Предпочитая и отстаивая наступательную тактику, Фрунзе вместе с тем решительно возражал против теории о том, что Красной Армии, ее командирам и бойцам не следует изучать стратегию и тактику отступления. В противовес этой вредной, ошибочной теории, Фрунзе считал, что «наши красные командиры должны воспитать себя и людей, подчиненных им, так, чтобы они рассматривали отступление, как один из моментов в общем ходе наступательных операций. Отступление может оказаться нужным для того, чтобы создать лучшую обстановку для подготовки нового и решительного наступления… В работу воспитания поиск должна входить идея, что отступление не есть бегство, что бывает и стратегическое отступление, вызываемое стремлением либо сохранить живую силу, либо сократить фронт, либо глубже завлечь врага, чтобы там вернее его раздавить»[56].

Исходя из опыта минувшей войны 1914–1918 годов, он считал, что «современные армии обладают колоссальной живучестью. Эта живучесть целиком связана с общим состоянием страны. Даже полное поражение армий противника, достигнутое в определенный момент, не обеспечивает еще конечной победы, поскольку разбитые части имеют за собой экономически и морально крепкий тыл. При наличии времени и пространства, обеспечивающих новую мобилизацию людских и материальных ресурсов, необходимых для восстановления боеспособности армии, последняя может легко воссоздать фронт и с надеждой на успех повести дальнейшую борьбу»[57]. Вследствие этого, «при столкновении первоклассных противников решение не может быть достигнуто одним ударом. Война будет принимать характер длительного и жестокого состязания, подвергающего испытанию все экономические и политические устои воюющих сторон. Выражаясь языком стратегии, это означает переход от стратегии молниеносных, решающих ударов к стратегии истощения»[58].

В связи с этим при длительном ведении войны значительно повышается роль тыла. По убеждению Фрунзе, «в этом смысле центр тяжести ведения войны переместился с фронта назад — в тыл»[59]. Без крепкого тыла не может быть и крепкого фронта.

Кроме того, при наличии таких боевых средств, как авиация, сама война расширяется за пределы фронтовой линии, в глубь тыла. «Фронт в смысле района, непосредственно охваченного военными действиями, теряет характер прежнего живого барьера, преграждавшего врагу доступ в „тыл“. Если не полностью, то во всяком случае в значительной своей части (в зависимости главным образом от размеров территории данной страны) тыл

теперь совмещается с фронтом. Отсюда — новые задачи и новые методы подготовки обороны страны, и в частности новая роль самого тыла, как прямого участника в деле борьбы. Раз непосредственная тяжесть ведения войны падает на весь народ, на всю страну, раз тыл приобретает такое значение в общем ходе военных операций, то, естественно, на первое место выступает задача всесторонней и планомерной подготовки его еще в мирное время»[60].

Военно-теоретические взгляды Фрунзе органически связаны с его боевой практикой.

В исторических битвах с Колчаком и Врангелем Фрунзе показал свое высокое полководческое искусство.

Подобно величайшему русскому полководцу Суворову, Фрунзе не знал поражений. Недаром красноармейские массы были убеждены в том, что где Фрунзе — там победа.

XII. Смерть на боевом посту

Разносторонняя, кипучая деятельность Фрунзе оборвалась в расцвете его творческих сил.

Тяжелый недуг, которым «наградила» его царская каторга, постепенно, издавна подтачивал здоровье. Михаил Васильевич знал об этой болезни. В своей анкете 1923 рода на вопрос «Состояние здоровья» ответил коротко: «Болен желудком». Но, зная о болезни, он не уделял ей необходимого внимания. Несмотря на настойчивые советы родных и близких друзей серьезно заняться лечением и временно отдохнуть, Михаил Васильевич продолжал напряженно работать.

Однако болезнь все обострялась. Силы больного слабели. После нескольких консилиумов с участием лучших московских и ленинградских врачей в октябре 1925 года было решено сделать операцию. Но и операция не помогла. Здоровье Михаила Васильевича не улучшалось, жизнь его угасала.

И теперь, уже в последние минуты, перед его потухающим взором промелькнула вновь вся его кипучая молодость, революционная борьба, долгие годы тюремных заключений и каторжной жизни, опять борьба, первые радостные дни Великого Октября, затем яркие годы исторических побед над врагами Родины. Вспомнилась ему Красная Армия, потовая отразить любого врага, любого захватчика. Вспомнилась и великая партия Ленина — Сталина, под всепобеждающим знаменем которой он жил и боролся.

Лишь за сорок минут до кончины померкло навсегда сознание великого революционера-полководца, А в 5 часов 40 минут утра 31 октября перестало биться и его благородное сердце…

На следующий день газеты разнесли по всей стране печальную весть правительственного сообщения:

«В ночь на 31 октября от паралича сердца умер после операции председатель Реввоенсовета СССР Михаил Васильевич Фрунзе. Союз ССР потерял в лице умершего опытного, закаленного в революционной борьбе вождя революционного народа, потерял борца, который всю свою жизнь, от подпольного кружка до ожесточенных боев в гражданской войне, был на самых опасных и передовых постах.

Армия и флот потеряли одного из лучших знатоков военного дела, организатора вооруженных сил Республики, непосредственного руководителя победы над Врангелем и организатора первого победоносного удара против Колчака.

В лице покойного сошел в могилу виднейший член правительства, один из лучших организаторов и руководителей Советского государства.

Народ и правительство понесли громадную утрату как раз в такой момент, когда творческие замыслы тов. Фрунзе в деле организации вооруженных сил Республики стали с громадным успехом претворяться в жизнь, обеспечивая государству защиту его границ, народу — возможность мирного труда и строительства. Утрата тов. Фрунзе особенно тяжела в настоящий момент, когда в связи с хозяйственным восстановлением государства и ростом к нему сочувствия со стороны трудящихся всего мира растет и ненависть мировой буржуазии к Республике Советов.

Трудящиеся СССР не забудут заслуг тов. Фрунзе перед пролетарской революцией».

Основные даты жизни и деятельности М. В. Фрунзе

1885 — 21 января (2 февраля) родился в городе Пишпек (теперь Фрунзе, столица Киргизской ССР).

1896 — В августе поступил в мужскую гимназию в городе Верный (теперь Алма-Ата, столица Казахской ССР).

1904 — В июне окончил гимназию в городе Верный. В августе уехал в Петербург, где был зачислен студентом экономического факультета Политехнического института.

В ноябре вступил в петербургскую организацию РСДРП, примкнув к фракции большевиков.

В конце года во время большой демонстрации был ранен, а затем арестован и выслан из Петербурга.

1905 — В январе нелегально возвратился в Петербург, где продолжал революционную деятельность.

В начале мая по путевке Московского Комитета большевистской организации выехал в Иваново-Вознесенск в качестве ответственного организатора Иваново-Вознесенской группы Северного Комитета РСДРП.

С 12 (25) мая руководил всеобщей стачкой иваново-вознесенских рабочих.

13–15 (26–28) мая при участии М. В. Фрунзе Иваново-Вознесенскими рабочими был избран Совет уполномоченных — один из первых Советов рабочих депутатов в Россия.

В начале июля на конференции Северного Комитета РСДРП Иваново-Вознесенская группа преобразована в Иваново-Вознесенский Городской Комитет во главе с М. В. Фрунзе.

В июле переехал в Шую для руководства местной большевистской организацией.

В ночь на 30 октября был арестован, зверски избит и заключен в иваново-вознесенскую тюрьму.

В ноябре выслан под гласный надзор полиции в Казань, откуда немедленно скрылся и возвратился в Шую для работ и я большевистском подполье.

В ноябре на окружной конференции в Шуе был избран Иваново-Вознесенский окружной комитет РСДРП во главе с М. В. Фрунзе.

В декабре во главе шуйских дружинников принял боевое участие в декабрьском вооруженном восстании в Москве.

1906 — В апреле был делегирован Иваново-Вознесенским комитетом РСДРП на IV (Объединительный) съезд РСДРП в

Стокгольме.

1907 — 21 февраля покушался на урядника Перлова.

В ночь на 24 марта арестован в Шуе, а на другой день отправлен во Владимир, где и был заключен в тюрьму.

1909 — 26 января Владимирским военно-окружным судом за покушение на урядника Перлова приговорен к смертной казня через повешение. По кассационной жалобе приговор был отменен.

1910 — 5–10 февраля Владимирским военно-окружным судом был привлечен к ответственности по делу Иваново-Вознесенского союза РСДРП и приговорен к четырем годам каторжных работ.

1910 — 22 сентября владимирским военно-окружным судом за покушение на урядника Перлова вторично был приговорен к смертной казни, которая была заменена десятью годами каторжных работ.

1912 — В июне был переведен из Владимирской в Николаевскую каторжную тюрьму.

1914 — В марте отправлен в ссылку в Сибирь.

В августе прибыл в село Манзурку, Верхоленского уезда, Иркутской губернии, — место ссылки.

1915 — 1 июля был арестован за антивоенную и революционную деятельность и отправлен в Иркутск, но по дороге сбежал и под фамилией Василенко Владимира Григорьевича поселился в Чите, Забайкальской области, поступив на службу в областное переселенческое управление.

1916 — В марте, опасаясь ареста, выехал из Читы.

В апреле под фамилией Михайлова Михаила Александровича поступил на службу в комитет Западного фронта Всероссийского земского союза с целью вести революционную пропаганду среди войск Западного фронта.

1917 — В марте был начальником милиции Минска и командовал сводным Отрядом особого назначения.

В марте был членом Исполкома Минского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В апреле был избран членом фронтового комитета армий Западного фронта и председателем Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний.

В августе, в дни корниловского выступления, был назначен начальником штаба революционных войск Минского района. 15 сентября избран председателем Шуйского уездного Совета депутатов.

В декабре назначен правительственным комиссаром текстильной промышленности.

1918 — В марте избран председателем Иваново-

Вознесенского губисполкома и по совместительству назначен иваново-вознесенским губернским военным комиссаром.

31 августа назначен военным комиссаром Ярославского военного округа.

26 декабря назначен командующим Четвертой армией Восточного фронта.

1919 — 31 января приехал в Самару и вступил в исполнение обязанностей командующего Четвертой армией.

5 марта назначен командующим войсками Южной группы Восточного фронта.

17 марта вступил в исполнение обязанностей Командующего войсками Южной группы Восточного фронта.

8 июля награжден орденам Красного Знамени.

13 июля назначен командующим войсками Восточного фронта.

15 августа назначен командующим войсками Туркестанского фронта.

1920 — 22 февраля прибыл в Ташкент.

21 сентября назначен командующим войсками Южного фронта.

26 сентября приехал в Харьков.

3 декабря назначен командующим всеми вооруженными силами на Украине.

30 декабря награжден почетным революционным оружием.

1921 — 6 мая награжден вторым орденом Красного Знамени.

1921–1922 — С 5 ноября 1921 года по 31 января 1922 года находился в служебной командировке в составе Чрезвычайного посольства в Турцию.

15 февраля, в порядке совместительства, назначен вр. и. д. председателя Совета Народных Комиссаров УССР.

1924 — 11 марта назначен заместителем председателя Реввоенсовета СССР и народного комиссара по военным и морским делам СССР.

6 апреля назначен по совместительству начальником штаба РККА.

19 апреля назначен по совместительству начальником Военной академии РККА.

1925 — 26 января назначен председателем Реввоенсовета СССР и народным комиссаром по военным и морским делам СССР.

10 февраля назначен членом Совета Труда и Обороны СССР.

31 октября умер от паралича сердца после операции.

notes

Примечания

1

И. В. Сталин. К. Е. Ворошилов. М. В. Фрунзе. Партиздат, 1938 г., стр. 3.

2

Верный — теперь Алма-Ата, столица Казахской ССР.

3

И. Сталин. Соч., т. 1, стр. 79.

В. И. Ленин. Соч., 4-е изд., т. VIII, стр. 505–506.

5

И. Сталин. Соч., т. 1, стр. 131.

В. И. Ленин. Соч., 4-е изд., т. IX, стр. 308–309.

7

Труды Академия. Краснознаменная и ордена Ленина Военная академия Красной Армии имени М. В. Фрунзе. М. 1941 г., Сборник № 4, стр. 242.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 521–522.

9

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Госполитиздат, 1938 г., стр. 205–206.

10

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Госполитиздат, 1938 год, стр. 207–208.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 46–47.

12

Там же, стр. 43–44.

13

И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов. М. В. Фрунзе, Партиздат, 1938 г., стр. 13.

В. И. Ленин. Соч., 3-е изд., т. XXIV, стр. 495.

15

И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 213.

16

Там же, стр. 208.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 66.

В. И. Ленин. Соч., 3-е изд., т. XXIV, стр. 224.

19

«М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Сборник документов. Воениздат, 1941 г., стр. 158.

20

Ленин и Сталин. Сборник произведений ***к*** изучению Истории ВКП(б). Партиздат, 1936 г., т. II, стр. 266.

21

И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 262.

22

В. И. Ленин. Из эпохи гражданской войны. Партиздат, 1934 г., стр. 65.

23

И. Субботовский. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926 г., стр. 59.

24

И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 236–239.

25

«М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Воениздат, 1941 г., стр. 274.

«М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Воениздат, 1941 г., стр. 285.

27

Там же, стр. 308–309.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 117.

29

«М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Воениздат, 1941 г., стр. 310.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 154.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 136–137.

32

«М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Воениздат, 1941 г., стр. 330.

Прунзе-ака — Фрунзе, Койбаши-ака — Куйбышев.

И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 341.

35

К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия. Госполитиздат, 1939 г., стр. 45.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 147–148.

И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов. М. В. Фрунзе. Партиздат, 1938 г., стр. 9–10.

38

«М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Сборник документов, Воениздат, 1941 г., стр. 449.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 534.

И. В. Сталин. О Ленине. Госполитиздат, 1939 г., стр. 31.

41

К. Ворошилов. Статьи и речи. Партиздат, 1934 г., стр. 141.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 83–84.

43

Там же, стр. 308.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 406–407.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. II, стр. 154.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 193.

Там же, стр. 417.

Там же, стр. 402.

49

Там же, стр. 403.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 403.

51

Там же, стр. 407.

Там же, стр. 417.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 405 и 222.

Там же, стр. 468.

Там же, стр. 474.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I, стр. 406 и 417.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. II, стр. 96.

Там же, стр. 96–97.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. II, стр. 97.

М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. II, стр. 98.